

Глава 14. Восток и Запад в социальной эволюции в XII–XIX вв. Великая дивергенция Европы и Азии

В настоящей главе сделана попытка показать причины, почему Запад в Новое время смог обогнать Восток и почему начался процесс Великой дивергенции. Мы рассмотрим некоторые аспекты развития Запада и Востока с середины XV столетия (а в некоторых отношениях и ранее) до конца XX в. Этот процесс прошел разные стадии и имел разные формы, о которых пойдет речь ниже.

Как мы уже говорили в главе 6, дивергенции и конвергенции – это важный механизм разворачивания социальной эволюции, которая не идет к новым уровням широким фронтом, создавая избыточное разнообразие, в итоге совершает прорыв в каких-то отдельных местах (регионах, группах обществ). Этот и является дивергенцией. Поскольку такие передовые регион/группа и т.п. вырываются вперед, используя возможности, открывшегося нового ароморфоза. Затем этот отрыв достигает апогея. Но важное дополнение, достижения такого апогея идет конвергенция в рамках близких по многим характеристикам обществ. Мы описывали этот момент в главе 7, когда показывали, что технологический рывок Европы в XV–XVI веках был общим достижением ряда стран (каждая из которых в каких-то направлениях вырывалась вперед), а технологический рывок XVIII – первой половины XIX века, произошедший сначала в Англии был быстро распространен и на другие страны Европы и США. Между крупными макрорегионами разрыв мог быть значительным, поэтому при достижении дивергенцией своего пика, включалась обратная связь, которая начинала подтягивать отстающие регионы к передовым – начинался процесс конвергенции, но как бы в рамках продолжающейся дивергенции (см. об этом например следующую главу)–, в результате чего отстающий в прошлом регион мог сделать рывок в дальнейшем, то есть начать новый процесс конвергенции.

1. Общий обзор соотношения развития Азии и Европы

По общему мнению, в начале II тысячелетия н. э. Европа, безусловно, отставала от основных восточных стран по уровню развития производительных сил, государственности, урбанизации, бытовой культуры, научным достижениям и другим важным параметрам (см., например: Crone 1989; Pomeranz 2000; Maddison 2001; 2010; Christian 2004; Goldstone 2008b; Abu-Lughod 1991; Lukas 2005; Saliba 2007; Vries 2013; Райнепт 2011: 45), в том числе по подушевому ВВП, по меньшей мере в два раза (см., например: Мельянец 1996: 74). Есть также небезосновательные предположения, что Западная Европа еще и в XI в. не достигла уровня развития производства Античности начала нашей эры (см., например: Cameron 1989: 32; Maddison 2001; 2010). В импорте европейских государств на Восток преобладали меха, серебро, древесина (Abu-Lughod 1991: 47; Postan 1987; Уотт 1976). Из Восточной Европы помимо ценных мехов поступали также продукты собирательства, такие как мед и воск, а также кожи и в значительном количестве – рабы (Gieysztor 1987; Postan 1987; Ali 1999). Из Азии поступали в основном готовые промышленные (ремесленные) изделия и предметы роскоши (Abu-Lughod 1991: 47; Postan 1987; Ali 1999). Словом, Европа выглядела отсталой периферией азиатско-североафриканского мир-системного ядра.

Вопрос о том, что отставание Востока от Запада было не столь давним, как это иногда принято считать, что в начале II тысячелетия Запад заметно отставал от Востока, был поставлен особенно рельефно в рамках так называемой Калифорнийской школы (Goldstone 1991; 2002; 2008a; 2008b; Pomeranz 2000; 2002; Wong 1997; Frank 1998; Marks 2002; Vries 2003; 2010; Голдстоун 2014).

Чем был период XV–XVIII вв.: дивергенцией или конвергенцией между Европой и Азией? В XIX в. в результате промышленной революции начался процесс Великой дивергенции, который продолжался более полутора веков. Великая дивергенция обусловила преобладание Запада по очень многим показателям (за исключением численности населения). Однако процесс дивергенции начался за несколько веков до этого, когда Запад в одних отношениях опережал Азию, в других – стоял с ней на примерно одинаковом уровне, а в ряде важных параметров – отставал. Поэтому процесс дивергенции в это время охватывал лишь часть из тех направлений, которые проявились позже (такие, скажем, как военное и техническое развитие, наука, способы и объемы распространения информации и др.). При этом в начале Нового времени некоторые технические и энергетические показатели, по которым Запад опережал Восток, были не слишком значимыми для экономики в целом (как, например, большой масштаб применения неорганической энергии), но по мере развития этот разрыв увеличивался, а его значимость возрастала. Дж. Голдстоун высказал мысль, что Великую дивергенцию имеет смысл подразделить на некоторое число меньших дивергенций: «Таким образом, я бы разложил понятие “Великая дивергенция” на некоторое число более мелких “дивергенций”, которые возникали в разное время и в разных местах и которые в конечном счете привели к критически значимым сдвигам в науке, технологии и производительности труда, обеспечившим в XIX в. доминирующее положение Европы» (Goldstone 2013: 59).

Для выяснения, каких именно и в каком ключе, требуются дополнительные исследования. И Голдстоун в ряде работ (*Idem* 2008a; 2008b; 2013) приводит свою версию разделения дивергенций; ниже мы приводим свою.

Важно отметить, что рассматриваемый период был одновременно и периодом конвергенции, так как Запад активно догонял наиболее передовые общества Востока в целом ряде направлений (например, таких как уровень развития государственности, урбанизации, грамотности, некоторых наук, грузоподъемности судов, качества промышленных изделий и др.). При этом момент достижения уровня передовых азиатских обществ Европой (и разными европейскими странами) для различных показателей был разным. Причем если в узкотехнических аспектах (как, например, технология набивных ситцевых тканей) Запад мог прямо заимствовать технологии или опыт, то во многих других отношениях догоняющее развитие Запада осуществлялось совершенно иными путями, чем ранее шел Восток; таким образом, это было сокращение разрыва путем развития по другой траектории (то есть путем дивергенции).

В целом в начале Нового времени Запад реально превосходил Восток только в военном вооружении, способности судов к плаванию в открытом океане, некоторых технологиях или степени их распространения, а во многих отношениях Восток превосходил Запад (о военном балансе Востока и Запада см.: Parker 1997). Поэтому и с учетом того, что одновременно происходил и процесс дивергенции, и процесс конвергенции, но последний осуществлялся иными, оригинальными способами, мы назвали период 1500–1750 гг. **догоняющей дивергенцией**. К дополнительному объяснению этого понятия мы еще вернемся. Здесь отметим только такой аспект. Открытие Америки существенно изменило ситуацию не только для Европы, но и для Азии и Африки. Однако если для Европы главными стали поступление драгоценных металлов, использование колоний для производства технических культур, а также мощный рост торговли на этой базе, то для Азии главным стал не факт торговли с европейцами (которая занимала не слишком большое

место в общем объеме ее торговли) и даже не влияние наплыва серебра, а возможность адаптировать американские сельскохозяйственные культуры – батат, маниок, кукурузу и др. (последнее оказалось очень важным и для ряда обществ Африки). Обратим внимание, насколько быстрее они широко распространились в Азии, чем в Европе. Трудно переоценить значение кукурузы, картофеля, батата, маниока, арахиса для роста населения в Азии (и Африке). Таким образом, если открытие Америки для Европы означало рост богатства, то для Азии и т. д. – возможность продолжения прежнего курса на обеспечение условий для максимального роста населения. В этом отношении дивергенция усиливалась.

Дивергенция как синтез различных революций. Как догоняющая, так и Великая дивергенция могут быть глубже поняты, если мы рассмотрим их как результат нескольких взаимосвязанных революций, давших поистине синергетический эффект. *В этом комплексе революций каждая стала важной частью процесса дивергенции.* Прежде всего это промышленная революция в своих начальной, средней и завершающей фазах, о чем мы сказали выше. Каждая фаза знаменовала собой смену технологий и мощное развитие техники, энергетической базы, коммуникаций и прочего. По сути, уже во второй половине XVIII в. наблюдается начало демографической революции (*демографического перехода*)¹ (Armengaud 1976; Minghinton 1976: 85–89; Cipolla 1976: 15; Вишнеvский 1976; 2005), которая получила новый длительный импульс в результате распространения машинной промышленной революции. Но еще раньше, по сути, с XV в., в Европе началась информационная и культурная революция в результате распространения книгопечатания, достижений эпохи Возрождения, Реформации и Великих географических открытий. Ее сложно переоценить в плане распространения практических знаний и грамотности. Также необходимо говорить о первой научной революции в XVII–XVIII вв., предвестники которой заметны уже в XVI в. Без науки и научной базы промышленная революция не имела бы прочного базиса (о научной революции см.: Goldstone 2008b; Allen 2009; Рейснер 1986). Наконец, имела значение и военная революция (или, точнее, революции [Duffy 1980; Downing 1992; McNeill 1963; Parker 1996]) как важнейшая часть дивергенции (в этом плане о ней говорят недостаточно, как нам представляется). Между тем процессы, в результате которых в европейских странах возникла регулярная армия, постоянно совершенствовалась артиллерия и другое вооружение, система фортификаций и снабжения армии и т. п., трудно переоценить в плане развития не только техники, технологии (и науки), но и европейской государственности. Ведь регулярную армию нельзя ни создать, ни содержать без развитого государственного аппарата, повышения грамотности, изменения системы налогообложения, финансовой системы, развития коммуникаций, социальных реформ и т. п. А постоянные войны при всех отрицательных сторонах требовали реформ, заимствования достижений соперников, напряжения, что являлось мощным источником развития. Часть аспектов некоторых из перечисленных выше революций будут рассмотрены ниже, хотя, конечно, влияние на дивергенцию каждой из этих революций заслуживает отдельного исследования.

История внешней торговли и Великая дивергенция. Структура внешней торговли сегодня очень много говорит о развитости экономик ее участников. Важно также, какая из сторон больше нуждается в контактах с другой. Но то же самое можно говорить и об экономиках прошлого. Отметим сразу, что вплоть до последней трети XIX в. именно

¹ В 1750 г. население Европы в целом оценивается в 120–145 млн человек, в 1800 г. оно возросло до 180–190 млн человек. Ясно, что промышленная революция не могла оказать такого влияния на уровень численности, скорее это результат общего уровня развития и порядка в странах просвещенного абсолютизма и внутреннего мира, которого не было в XVII в., падения смертности за счет роста сельскохозяйственного производства, а также исчезновения голода, развития медицины, борьбы с эпидемиями (Armengaud 1976: 28, 29, 38; Livi-Bacci 2012: 25, etc.).

Европа больше нуждалась в торговле с Востоком, особенно с Дальним Востоком, чем наоборот, хотя страны, состоявшие в плотных контактах с Европой, такие как Турция и Египет, ощутили эту потребность намного раньше. Между тем, например, в менее сложных обществах Африки южнее Сахары (не говоря уже об обществах америндов) нужда в европейских товарах изначально была намного больше. История внешней торговли Европы и Азии может быть весьма показательной в плане темы этой главы. В XI–XIII вв. в связи в том числе и с Крестовыми походами европейцы активно втянулись в торговлю с Востоком, расцвели торговые республики (особенно в Италии), города и их союзы, корпорации. В этот и последующий периоды вплоть до Великих географических открытий помимо промышленных товаров особенно желанными стали предметы роскоши и пряности (но самой Европе по-прежнему было особенно нечего предложить Азии). Одновременно начался и процесс импортозамещения (европейцы научились делать бумагу, шелк и пр. [Burns 1996]). В период Великих географических открытий колоссально возросли масштабы, изменились маршруты, а главное – торговля прочно соединилась с военно-морским преимуществом европейцев (хотя его еще и было недостаточно, чтобы изменить баланс сил коренным образом). Однако дисбаланс в торговле с Востоком был огромным, дефицит торгового баланса закрывался лишь благодаря многократному росту добычи серебра сначала в Центральной Европе², затем в испанских колониях, а также благодаря вывозу золота из Африки. Однако то, что Запад был мировым лидером по добыче серебра, стало, по сути, одним из главных источников его могущества. В то же время с возникновением Ост-Индских компаний дополнительно увеличился импорт промышленных товаров с Востока, особенно тканей из Индии, качество которых славилось веками, их прославлял еще Марко Поло, говоря, что самые тонкие и красивейшие в мире ткани из хлопка делают в Масулипатаме. Таким образом, по-прежнему Азия превосходила Европу в плане объема и соотношения цены – качества промышленных товаров, а в ряде моментов и в технологиях (см., например: Ванина 1991). Тот факт, что наиболее развитые страны Востока (Китай, Япония и др.) не нуждались в европейских товарах, подтверждается политикой закрытости, которую с XVII в. приняли страны Восточной Азии – Китай, Япония, Корея и Вьетнам (см. ниже). Импортозамещение в Европе было процессом, идущим с позднего Средневековья. С появлением американских колоний оно приобрело новые аспекты, так как появилась возможность выращивать важные технические культуры, которые ранее нужно было импортировать: сахарный тростник, кофе, хлопок, чай. Наконец, в XVII в. в Англии (и несколько раньше во Франции) начали самостоятельно производить ткани из хлопка³.

Таким образом, в торговле между Европой и Азией произошел важный перелом, который был предвестником начала Великой дивергенции. Азия стала поставщиком сырья в большом объеме, который достаточно быстро увеличивался с конца 1730-х гг. (что по времени совпало со смягчением запрета на производство хлопчатых тканей в Англии и с изобретением ткацкого станка Дж. Кея). Но даже через 40 лет после начала промышленной революции, несмотря на колоссальный прогресс в удешевлении производства, еще в 1802 г., как пишет Р. Аллен, экспорт пряжи и тканей в Индию из Англии в этот период был невыгоден, так как себестоимость фунта английской нити сорокового номера со-

² В том числе в Богемии и Саксонии в 1460–1530 гг. (Nef 1987: 735), что стало ответом на острую нехватку серебра (The Silver Famines) в 1320–1460-х гг. (Spufford 1987).

³ Однако во Франции в конце века под давлением производителей и торговцев шелковыми и шерстяными тканями со стороны могущественного Ж.-Б. Кольбера последовал полный запрет на производство хлопчатобумажных тканей, поскольку последние составляли серьезную конкуренцию первым, а в Англии (по той же причине) – частичный запрет (Манту 1937; Чичеров 1965; Аллен 2009; Аллен 2014). Важно, что если в отношении производства шелка и фарфора в Европе имелся полный цикл (от сырья до готовой продукции), для текстильной промышленности требовалось сырье. Кажется, это был единственный товар широкого спроса, для которого Азия в данный период стала поставщиком сырья.

ставляла 60 пенсов, почти в полтора раза выше, чем в Индии (Allen 2009; Аллен 2014). Это показывало глубину различий в мастерстве ремесленников Востока и их европейских собратьев (равно как и разницу в уровне жизни). Зато импорт хлопка возрастал⁴. Наконец, началось и мощное расширение экспорта английского текстиля в Индию, что ознаменовало окончательную победу Европы над азиатской ручной промышленностью и переход дивергенции в открытую и яркую форму. Но все же Англии, Франции и США для налаживания широкой торговли с дальневосточными странами еще потребовались войны и их угроза. Далее войны за торговые преимущества переросли в колониальные. В Азию хлынули потоком самые разные европейские товары, а азиатское сельское хозяйство начало все заметнее перестраиваться под европейский спрос, доля технических культур, а также другого сырья в нем увеличивалась.

Процесс Великой дивергенции пошел полным ходом, но почти сразу же открытие и расширение рынков сбыта потребовали экспорта капитала, прежде всего в инфраструктуру, а также и в расширение производства сырья. Масштаб строительства коммуникаций в некоторых колониях, включая телеграф и почтовую связь, был потрясающим (подробнее об этом см. ниже и в главе 5). Развитие систем коммуникаций, инфраструктуры и образования открыло также возможность для экспорта промышленного капитала. Западные технологии начинали проникать на Восток. Это было началом рубежа, когда постепенно стали складываться предпосылки Великой конвергенции⁵.

Великая дивергенция в апогее. Великая дивергенция – это также и важная часть процесса глобализации, которая во многом происходила под влиянием европейской силы и европейского принуждения, но которая только и могла в конечном счете побудить восточные страны к догоняющей модернизации, успешный образец которой – Япония – стал показателем того, что пути Востока и Запада различаются не фатально. *Период до Первой мировой войны можно рассматривать как апогей дивергенции, после чего более активно пошли процессы, подготовившие Великую конвергенцию.* Причем отметим, что здесь начался сходящийся процесс: чем активнее колонии начинали требовать самостоятельности, тем больше метрополии для них делали. Процесс развития колониальной и полуколониальной периферии усилился в результате двух мировых войн. Можно сказать, что в целом они существенно помогли и развитию местной промышленности и хозяйства, и росту национального самосознания.

Великая дивергенция XIX в. – это процесс не просто расхождения в уровне развитости Европы и остального мира, но и создания нового типа мировой экономической системы, в которой хозяйства разных стран включаются в единую мирохозяйственную или мироторговую систему (но с весьма разными ролями, прежде всего в виде центра, полупериферии и периферии) Мир-Системы в современном смысле слова. В таком аспекте процесс Великой дивергенции был хорошо исследован мир-системной школой (Wallerstein 1974; 1980; 1989; Frank 1979; So 1984; Arrighi 1994; Chase-Dunn 1998; Chase-Dunn et al. 2000; Amin 2010; Chase-Dunn, Lerro 2013), ряд представителей которой, однако, не увидели коренного изменения тренда смены Великой дивергенции Великой конвергенцией в конце XX в. (Гринин, Коротаев 2009a; 2016a; 2017a; Коротаев 2016; Коротаев, Билюга 2016b; Grinin, Korotayev 2012c; 2013a; 2014d; 2015).

⁴ Между 1750 и 1850 гг. Великобритания увеличила количество используемого ее промышленностью хлопка-сырца с 1 тыс. до 267 тыс. тонн (Mitchell 1978: 253). Но к 1850 г. остальная Европа ввозила еще около 130 тыс. тонн этого сырого продукта (*Ibid.*).

⁵ 1870–1990-е гг. в этом плане выглядят в чем-то зеркальным отражением XVI–XVIII вв., когда наблюдалась мощная скрытая дивергенция Запада и Востока, которая проявилась в открытом виде после 1800 г. Период 1870–1990 гг. можно охарактеризовать как период скрытой конвергенции, которая в плане конвергенции по ВВП на душу населения стала явно проследиваться только с конца 1980-х гг.

Последний этап дивергенции и глобализация. Наконец, послевоенный период можно рассматривать как новый этап взаимоотношений между Востоком и Западом. Здесь соединились, как и в процессе догоняющей конвергенции ранее, несколько революций и революционных по сути процессов, которые в итоге через несколько десятилетий повернули тренд с дивергенции на конвергенцию, что в самые последние десятилетия было во многом связано с начавшейся глобализацией:

1) освобождение развивающихся стран от колониальной и полуколониальной зависимости, что способствовало появлению разных моделей их развития, формированию во многих из них секторов современной добывающей и обрабатывающей промышленности, слоя интеллигенции и прочего;

2) период 1950–1960-х гг. традиционно рассматривался как период новой технологической революции (научно-технической, научно-информационной и т. п. [см., например: Бернал 1956; Bernal 1965; Benson, Lloyd 1983]; в нашей терминологии – кибернетической революции [Grinin 2012a; Grinin L. E., Grinin A. L. 2013; Гринин Л. Е., Гринин А. Л. 2014; 2015a; 2016]). Это ускорение, с одной стороны, даже усилило процесс дивергенции, но это уже было ее последним всплеском, а с другой – результаты этой революции стали активно применяться и в развивающихся странах;

3) в 1960-е гг. в странах Запада началась новая волна спада рождаемости (так называемый второй демографический переход [Lesthaeghe, van de Kaa 1986; van de Kaa 1987; 1994; Lesthaeghe 1995]), в развивающихся же странах в 1950–1960-е гг. происходило стремительное сокращение смертности на фоне все еще высокой рождаемости. К концу 1980-х гг. это привело к угрозе сокращения численности населения трудоспособных возрастов в странах мир-системного центра на фоне ее стремительного роста в странах мир-системной периферии, что создало особенно мощные стимулы для переноса трудоемких производств из развитых стран в развивающиеся;

4) можно отметить и так называемую «зеленую революцию» в ряде стран, благодаря чему проблемы снабжения резко возросшего населения продовольствием были по минимуму в них решены;

5) важную роль в развитии ряда стран сыграл нефтяной кризис 1970-х гг., в результате которого огромные финансовые ресурсы были инвестированы в развитие нефтедобывающих стран;

6) можно говорить о переходе к новому типу экономики в западных странах (условно постиндустриальному), в котором главным сектором стал сектор услуг. Соответственно это подготовило почву для переноса промышленности в развивающиеся страны;

7) многие страны взяли на вооружение идеи догоняющей модернизации, в результате чего развивали собственную промышленность, образование и т. п.;

8) глобализация, которая создала «прозрачность» экономических границ к началу 1990-х гг. таким образом, что увеличила до критической степени интенсивность перетока с центра на периферию Мир-Системы капитала и технологий;

9) в высокой степени этому способствовало и развитие новых информационных технологий;

10) наконец, также во многом благодаря глобализации большинству развивающихся стран к началу 1990-х гг. удалось сократить разрыв с развитыми странами по уровню развития человеческого капитала до критически малого, обеспечившего реальную возможность переноса очень большого количества производств из центра на периферию Мир-Системы, что способствовало резкому усилению потока из развитых стран в развивающиеся технологий и капитала и запустило процесс Великой конвергенции. В этом плане можно сказать, что Великая конвергенция была запущена новой волной глобализации, начавшейся в конце 1980-х – начале 1990-х гг.

Более подробно о процессах, подготовивших смену дивергенции конвергенцией, будет сказано в следующей главе.

2. Некоторые предпосылки Великой дивергенции к началу Нового времени и в раннее Новое время

Как уже было сказано, раннее Новое время – это период догоняющей дивергенции, когда закладывались основы для Великой дивергенции. Но прежде чем рассматривать эти процессы, необходимо проанализировать предпосылки, которые способствовали рывку Запада. Можно согласиться с Дж. Голдстоуном (Goldstone 2007; Голдстоун 2014), когда он говорит о том, что необходимо «отказаться от представления о Европе как имеющей какие-то извечные имманентные преимущества и превосходство, уходящие в глубину тысячелетий». Однако было бы странно отрицать, что определенные предпосылки для рывка Европы в начале Нового времени были, что они имели место еще до начала догоняющей дивергенции и что многие из них были связаны с существенными отличиями от Востока. Рассмотрим некоторые особенности, которые помогли Европе обогнать Азию. Как известно, вопрос о таких предпосылках является одним из самых дискуссионных (см. об этом далее), при этом отмечаются самые разные сферы, включая культурные, ментальные и иные особенности. В настоящем исследовании мы хотели бы более подробно осветить прежде всего производственный и экономический аспекты особенностей развития Европы в указанное время, хотя полностью понимаем, что на рывок Европы повлиял сложный комплекс причин и особенностей в самых разных сферах жизни (от религии, античного наследия и связанных с ними ментальностей до географического положения, климата и исторических случайностей). При этом вес отдельных причин в общем процессе выделить крайне сложно⁶. Тем не менее мы бы хотели указать на некоторые важные причины и особенности экономико-технологического плана, которым не всегда уделяется должное внимание (и которые в условиях аграрно-ремесленного производства не могли не быть тесно связанными с природными особенностями).

Сначала перечислим наиболее важные, с нашей точки зрения, особенности Европы, а затем рассмотрим их подробнее.

1. Технологические особенности:

- а) более высокий уровень трудосбережения и механизации;
- б) склонность к заимствованиям и их развитию.

2. Структурные особенности экономики:

- а) относительно более высокая доля несельскохозяйственного населения;
- б) более высокая роль торговли и финансового сектора в экономике.

3. Социально-экономические особенности:

- а) меньше уровень государственного вмешательства и выше частная инициатива;
- б) большая самостоятельность европейских городов и более высокий престиж торгово-финансового нобилитета.

4. Эволюционные и территориально-демографические особенности:

- а) на Востоке не сформировались подходящие для революции демографические пропорции.

⁶ Например, Ж. Ле Гофф (2014) пишет, что, возможно, мощный рывок вперед, начавшийся после 1000-го г., объясняется отчасти обстоятельством, которое М. Бомпер (Bompaire) назвал «небесной поблажкой». Между 900-ми и 1300-ми гг. в Европе царил климатический оптимум: средняя температура поднялась на 1–2 °С, а влажность понизилась, что способствовало произрастанию зерновых культур. Действительно, роль климата и его изменения очень велика. И выше мы говорили, что подъемы и кризисы в развитии Европы связаны с климатом. Но оценить более точно роль климатических изменений крайне сложно. И уж тем более ясно, что одним климатом все не объяснить, благоприятным он был в разных местах. Необходимо рассматривать проблему в комплексе.

3. Некоторые сравнение Европы и Азии

3.1. Некоторые сравнения Европы и Востока: технологические особенности

Более высокий уровень трудосбережения и механизации. Длительное время Запад не имел однозначного преимущества в этом отношении, поэтому примерно до XIII в. правильнее говорить о склонности к трудосбережению, связанной с более редким населением, в среднем менее плодородными почвами и в целом с меньшим дефицитом пригодной для обработки земли, чем на Востоке. Но следует учитывать, что длительное время это преимущество имело латентный характер, выступая во многих аспектах скорее как недостаток. И в этом своем качестве оно стало заметным только в XVI–XVII вв. и позже. Значимые элементы роста производительности труда за счет появления техники имелись и в восточных странах⁷. Особенно важным это было в отношении ирригации (и в этом плане Восток очень долго обгонял Запад). В частности, имели место водоподъемные сооружения, работавшие от силы животных или воды.

Особенности сельского хозяйства на Западе и Востоке. Какой же фактор способствовал тому, что процесс трудосбережения путем механизации в Европе стал более значительным, чем на Востоке? Население и его плотность в Европе были намного меньше, чем в густонаселенных странах Азии (см. об этом далее). В итоге в Европе длительное время (примерно до XI–XII вв. н. э.) имелся значительный резерв неиспользуемой земли, но и после XII в. здесь периодически возникал прямой дефицит рабочих рук⁸. Росту трудосбережения способствовали не только более редкое население, но и более скудные почвы (см.: Мельянцев 1996: 77; он считает, что общая продуктивность земли в Европе в Средние века была в пять раз ниже, чем в странах Востока; см. также: Huang 2002). В результате для обеспечения одного человека требовалось обработать намного больше земли, чем на Востоке, что было сложнее сделать с использованием только ручного труда; необходимо иметь в виду также весьма подходящие для механизации и использования водного транспорта и водной энергии природные условия (изрезанное побережье, множество рек и ручьев и т. п.). Итак, если на Западе наблюдалось несколько большее стремление к экономии человеческого труда (за счет его относительного дефицита), что способствовало большей активности в поиске трудосберегающих технологий, на Востоке (в Китае, в частности) при большем дефиците земли, чем труда, наблюдалось стремление к повышению производительности земли (см. об этом: Мугрузин 1986). При этом количество требуемого живого труда определялось в первую очередь исходя из задачи поддержания максимально высокого плодородия земли (Александров, Славный 1984; Нуреев 1993; Онищук 1995; см. также о некоторых причинах стремления к трудосбережению на Западе в: Александров, Славный 1984).

Другими словами, даже когда в Европе возрос дефицит земли и фермеры стали более активно стремиться к повышению производительности земли (используя многократную вспашку, чередование культур и прочее), цена труда как фактора производства все равно была выше (из-за демографического фактора и фактора оплаты труда), чем на Востоке, особенно в Китае. Поэтому возможности экономии труда в Европе (и прежде всего в Северо-Западной Европе) уделялось больше внимания. Важно учитывать также бо-

⁷ Появлялись даже соответствующие труды. Так, в арабском сочинении IX в. «Ключи науки» сообщаются сведения о простых машинах, водяных и ветряных мельницах, военных машинах и автоматах (Боголюбов 1988: 19).

⁸ Следует учитывать и запрет рабства в католической Европе (чего не было в Азии). Г. Кларк (2012) также считает, что вследствие низкой гигиенической культуры смертность в Европе была выше, что еще больше усиливало разрыв в плотности населения, хотя, возможно, это спорный тезис. Но несомненно, что большей концентрации населения в Азии по сравнению с Европой также способствовал тот факт, что в Европе было относительно больше территорий, пригодных к сельскохозяйственной обработке – 43 % от общей площади по сравнению с 23 % в Азии (Галич 1986: 188; Рябчиков 1976: 124, 342).

лее высокую долю наемного труда в сельском хозяйстве в Северо-Западной Европе, чем в Китае (см., например: Goldstone 2007: 213), что усиливало потребность в трудосбережении.

Исследователи не всегда четко различают продуктивность труда и продуктивность земли в сельском хозяйстве европейских и азиатских стран. Так, К. Померанц (Pomeranz 2000), по мнению Ф. Хуанга (Huang 2002: 507), не делает решающего различия между продуктивностью земли и производительностью труда, между интенсификацией труда на единицу площади и капитализацией труда на единицу площади. Однако это крайне существенно при рассмотрении различий между двумя регионами. Так, для XVIII в. Хуанг (*Ibid.*: 509) рассчитывает, что затраты труда в Англии и дельте реки Янцзы на акр пшеницы соотносились как 1:1,6; а поскольку рис был более трудоемок, чем пшеница (в 1,5 раза), то для обработки 1 акра риса требовалось в 2,4 раза больше времени, чем для обработки одного акра пшеницы в Англии (Buck 1937; Huang 1990). Но в Китае получали два урожая, а рис давал зерна в полтора раза больше, чем пшеница, так что общая разница в выходе продукции с единицы площади составляла порядка 6 раз или даже больше (она в Англии частично покрывалась мясом и продуктами животноводства). Эта разница легко объясняла различия в населении и его плотности. И это в XVIII в., после так называемой аграрной революции в Англии и предшествующих столетий успехов в сельском хозяйстве, а в первые века второго тысячелетия разница в выходе продукции с единицы площади была и того больше. Таким образом, европейское (особенно английское) сельское хозяйство шло по пути трудосбережения, используя механизацию, рост энерговооруженности и капитализацию труда, а восточное сельское хозяйство (особенно китайское) шло по пути интенсификации труда для большего выхода продукции с площади, но с постепенным падением отдачи от труда.

Ф. Хуанг (Huang 2002: 513) называет это инволюционной экономикой, инволюцией, ростом без развития. Мы бы с ним в этом не согласились. Однако все же это был для того времени не магистральный путь, а путь, который рано или поздно заводил в тупик, в мальтузианскую ловушку, хотя каждый раз отодвигал ее границы.

Трудосбережение за счет внедрения энергетических технологий. Итак, хотя механизация труда развивалась и на Востоке, и на Западе, указанные причины в конечном счете больше способствовали процессу трудосбережения на Западе. Поэтому здесь распространялись как изобретения, сделанные давно, так и новые, в том числе заимствованные с Востока. Так, водяная мельница была изобретена за сто лет до нашей эры, но в Римской империи рабский труд препятствовал ее распространению, хотя верхнебойное водяное колесо использовалось в качестве предпочтительной технологии энергообеспечения в некоторых отраслях производства (Wikander 2000). Зато уже в раннее Средневековье, как мы уже говорили в главе 7, водяные мельницы быстро и широко распространились на соответствующей территории.

В Европе механизация также выражалась в более полном использовании силы животных. Так, по данным К. Перссона, в Англии в XI в. около 70 % используемой энергии приходилось на тягловую силу домашних животных (Мельянцев 1996: 81; Cipolla 1978: 53; Persson 1988: 28). Использование усовершенствованной упряжи для лошадей, подков и других улучшений позволило в Европе сделать сухопутный грузовой транспорт достаточно рентабельным, чтобы вести торговлю на относительно дальние расстояния. По некоторым подсчетам (см., например: Лилли 1970), расходы на сухопутные перевозки по сравнению с периодом Римской империи сократились в три раза. По мнению ряда исследователей, КПД лошади только за счет использования хомута значительно (в 4–5 раз) вырос, что в целом способствовало прогрессу в ряде областей экономики (см., например: Мельянцев 1996: 80; Cipolla 1981: 168; North, Thomas 1973: 42; Scott 1989: 308; White 1962: 43; Bolich 2005; Chamberlain 2006; Wigelsworth 2006; см. также: Ле Гофф 2014).

В итоге уровень энерговооруженности труда в Европе увеличивался, к середине XII в. он сравнивался с уровнем стран мусульманского мира и Китая (Мельянцев 1996: 82; Pacey 1990: 44), а в XIII в., по оценке П. Шоню, превышал соответствующий индикатор уже в 2,5 раза; далее этот разрыв только увеличивался, став в XVI в. уже 4–5-кратным (см.: Там же; Шапиро 1979: 288). Правда, здесь следует учитывать более холодный климат Европы, требующий использования отопления (об использовании дров и угля в Англии см.: Аллен 2014; об общем состоянии транспорта см.: Postan 1987).

Трудосбережение в ремесленных технологиях. Роль эпидемий. Наконец, кризисы XIV–XV вв. (особенно страшная эпидемия чумы в XIV в.) настолько усугубили дефицит рабочей силы, что в ряде стран (во Франции, Англии и т. д.) пошли по пути фактического освобождения крестьян, что серьезно преобразовало феодальную структуру (North 1996). Труд стал более свободным, а следовательно, трудосбережение – более выгодным, особенно в ремесле и торговле, то есть в областях более квалифицированного труда. Неудивительно, что именно с XIV в. процесс распространения и усовершенствования различных механизмов (прессов, колес, мельниц, сукновален и т. п.) ускоряется (см., например: Lucas 2005). Усилился также поиск наиболее прибыльных сфер приложения капитала.

Но, конечно, подобные эпидемии сами по себе обычно ведут к деградации общества, в ряде случаев нехватка рабочих рук и депопуляция запускают механизмы деградации хозяйственной деятельности (это наблюдалось, например, в Египте; см.: Votsch 2004; 2005). И только особые обстоятельства, в которых оказались некоторые страны Западной Европы в период эпидемии и после нее, превратили это бедствие в один из факторов для последующего рывка. В то же время в странах, где уровень потребления был низким и труд соответственно дешевым, мотивация к трудоустройству была выражена значительно слабее (см., например: Huang 2002; Allen 2011).

Склонность к заимствованиям и их развитию. Общеизвестно, что Европа многое заимствовала у арабов, китайцев и других восточных обществ (Al-Hasan, Hill 1991: 278–280; Ashtor 1978: 295; Raychaudhuri, Habib 1982: 47–52, 285; Elvin 1973: 85, 113–130, 167; Lal 1988: 48; Мокыр 1990: 23–24; Needham 1981: 13–14; Watson 1981: 29–30; Pacey 1990; Goldstone 2008b; Epstein 2009: 192; Уотт 1976).

Однако важной особенностью Европы была не только способность к заимствованию инноваций (причем не ограничиваемая технической сферой), но и их творческое развитие. Возможно, этому способствовала высокая военная конкуренция в Европе между политиями, возможно, ситуация множественности европейских обществ, объединенных единым языком и культурой, при которой заимствование у соседей и дальнейшее развитие заимствованного было не просто обычным, но совершенно необходимым для выживания делом, а возможно, это стало привычным со времен взаимодействия германских варваров с культурным Римом, либо все это вместе и ряд других обстоятельств. В итоге получалось, что восточные инновации в растущей Европе начинали играть более важную роль, чем на родине их появления. Это относится к таким заимствованиям, как мельницы, часы, механическая печать, порох и огнестрельное оружие, компас и др. Даже тачку европейцы сделали более удобной, с колесом впереди, а не под платформой, как в Китае. В XIII в. Леонардо Фибоначчи ввел в употребление арабские цифры, которые нашли свое главное применение в торговой бухгалтерии. Уже через несколько десятков лет каждый купеческий ученик должен был знать четыре правила арифметики, что до этого было достоянием лишь горстки ученых.

Причины, почему инновации приобретали большее значение в Европе, чем в местах их появления, многообразны, далеко не полностью ясны, и помимо вышеуказанной потребности в трудосбережении и довольно высокой военно-политической и экономической конкуренции имелась целая взаимосвязанная и взаимоподдерживающаяся система

факторов, обеспечивающая более высокую степень адаптации и распространения инноваций. О некоторых из этих факторов будет сказано ниже.

Пока по этому поводу можно сказать следующее. Ж. Ле Гофф (2014) справедливо отмечает существенное изменение отношения к инновациям в XIII столетии, когда, по его выражению, ценности спускаются с небес на землю, происходит отказ от традиционного осуждения всего нового, труд из негативной ценности становится ценностью позитивной, развиваются идеи роста производительности и прибыльности; новшества, технический и интеллектуальный прогресс перестают считаться греховными и т. п. С этим нельзя не согласиться. Таким образом, ментальность в какой-то степени меняется и процесс конвергентного (а позже дивергентного) развития ускоряется. Но, как мы видели выше, заимствования в Европе начались не с XIII в., а намного раньше. Следовательно, ментальный переворот, то есть более активное устремление к мирским делам, включая и производство, только закрепил уже имеющую (хотя и не столь значительную) тенденцию к заимствованиям и их развитию. Обычно логика процесса здесь следующая: имеются некоторые особенности (материальные, природные, религиозные, исторические и т. п.), которые делают некоторые процессы более реальными. В случае реализации данных процессов спустя определенное время происходит осмысление этой тенденции в тех или иных формах общественной психологии и идеологии. И тогда уже эта новая ментальная реальность начинает распространяться и делает процесс, который ее породил, намного более ясным и мощным. Примерно такая логика имела место и со знаменитой веберовской «протестантской этикой», развивающей «дух капитализма». Предпосылки этой ментальности сложились в слоях бюргерства в XIII–XV вв., а затем она оформилась в религиозных и религиозно-этических учениях, чтобы стать уже готовым моральным кодексом для растущего класса буржуазии (подробнее см.: Гринин 2006а).

Склонность к заимствованиям опиралась на: а) относительно слабую регламентацию со стороны государства и церкви обычной жизни крестьян (в частности, никто не препятствовал развитию инициативы по устройству мельниц и других производств, что стало наблюдаться уже после закрепощения крестьян и введения баналитетов, в том числе запретов на устройство крестьянских мельниц, но и это было далеко не везде); б) мощное развитие самоуправления в городских коммунах и профессиональных организациях (ясно, что энергия такого рода коммун была направлена на решение практических вопросов, причем решение наиболее экономное; см. далее о снижении роли государства в жизни общества); в) мощную конкуренцию, которая имела место между городами и купеческими объединениями, способствовала быстрому распространению инноваций и их развитию, поскольку в конкурентной борьбе не до предрассудков в отношении новшеств (регламентация в отношении технических инноваций, которая практиковалась в цеховых организациях, была менее характерна для ранних цехов, а значительно больше – для цехов позднего Средневековья. Но тогда уже технический прогресс пошел своим ходом); 4) цеховые организации, игравшие важную роль в городах и их управлении (следовательно, отношение к труду как к негативному занятию здесь не могло иметь места, так же как не могло быть здесь и презрительного отношения к труженикам. В известной, хотя и меньшей, мере это относится и к монастырским хозяйствам); 5) перевод крестьян на коммутацию, то есть оплату ими повинностей деньгами (с одной стороны, это уменьшило регламентацию их труда, а с другой – повысило уровень их хозяйственной инициативы; и везде, где это происходило, будь то в Европе или в Китае, земледельцы показывали высокий уровень предприимчивости). Можно также упомянуть активное развитие военного дела, участие в котором городов и городских республик дополнительно способствовало развитию инноваций, крестовые походы, которые вынудили знать и церковь заимствовать и менять многое (в частности, создание монашеских и рыцарских орденов – результат этих походов, но процесс самоорганизации в христианстве принес очень много

изменений и в практику, и в идеологию, в том числе в отношении к новому). Конкуренция университетов также способствовала распространению знаний, идей и инноваций.

Словом, в Европе начиная с VIII–IX вв., но особенно с XI в., не было жесткой регламентации в отношении новшеств и заимствований, в то время как недостаток рабочих рук, конкуренция и самоорганизация создавали богатую почву для инноваций и их улучшений. А при такой потребности, естественно, оптимальный путь вначале – заимствования и улучшающие в них изменения.

3.2. Некоторые сравнения Европы и Востока: структурные особенности экономики

Относительно более высокая доля несельскохозяйственного населения. В Северо-Западной Европе была высокой доля населения, проживающего в селе, но занятого не сельским хозяйством, а различными промыслами (см., например: Allen 2009; Carus-Wilson 1987; Postan 1987). Причинами являлись особенности географического положения, позволяющего активно использовать рыболовство и мореплавание, охоту и собирательство, продукты последних шли в том числе на экспорт (Gieysztor 1987; Postan 1987), и климата; меньшая продуктивность сельского хозяйства (так что интенсификация труда в нем приносила не так много), более высокий уровень развития животноводства, обеспечивающего промышленным сырьем и удобрениями⁹. А по мере роста урбанизации общая доля не занятого в сельском хозяйстве населения росла и в итоге обогнала уровень восточных стран. Это был значительный резерв рабочей силы для формирующейся ручной, а затем и машинной промышленности (см. об этом далее).

Более высокая роль торговли и финансового сектора в экономике. Крайне важным в экономике ряда стран Европы представляется и момент быстро-растущей роли торговли, особенно внешней (начиная с XI в.), даже по сравнению с ситуацией в Арабском мире¹⁰, поскольку в условиях меньшей плодородности земель торговля была более важным сектором, в котором могли аккумулироваться капиталы¹¹. Торговля в Европе непрерывно росла в объеме и расширении географии с X в. по первые десятилетия XIV в. (Postan 1987: 208), и затем, после периода эпидемий и войн, вновь начался ее рост в конце XV в. в связи с географическими открытиями (van der Wee 1990; 1994; Monro 1994; Snooks 1996; 1997). Также для Европы была характерна более высокая роль морского транспорта, позже приобретшего совершенно колоссальное значение. Торговля часто шла впереди всякого промышленного предприятия. По некоторым данным П. Шоню, за XVI в. объем сухопутных перевозок стран Северо-Западной Европы возрос вдвое, а морских – в 5–10 раз (Chaunu 1979; Léon 1977). В 1500–1700 гг. объем внешней торговли западноевропейских государств увеличился в 3–5 раз, в том числе со странами Востока и Юга – более чем в 15 раз (Bairoch 1985: 174; Gould 1972: 221; Mann 1986: 472; O'Rourke *et al.* 2010; Parry 2008).

⁹ С. В. Онищук (1995) даже объяснял переход к капитализму в Северо-Западной Европе именно тем, что там был более высокий уровень развития животноводства, урожайность повышалась за счет большего количества навоза, а возникшее в результате этого повышение производительности труда в сельском хозяйстве создало аграрное перенаселение, которое и составило первичную армию пролетариата. Разумеется, такие утверждения страдают чрезмерными допущениями (как и любые, где одному фактору придают абсолютно определяющее значение). Но возросшее значение животноводства в Европе (особенно Северо-Западной) по сравнению с азиатскими экономиками, где это значение понижалось в связи с ростом населения, сыграло свою роль в европейском рывке.

¹⁰ О высокой роли торговли в Арабском мире см., например: Abu-Lughod 1991; Goldstone 2008b.

¹¹ Дополнительным, но отнюдь не решающим фактором в пользу Европы уже в XVI–XVIII вв. служили различия в праве, более благоприятствовавшем росту европейской торговли и менее способствовавшем ее развитию в исламском мире (см.: Kuran 2011); Дж. Голдстоун считает аргументы Т. Курана преувеличенными, но полностью не отрицает соответствующих различий в праве, проявивших себя в указанный период более заметно, чем в предшествующие (Goldstone 2011c; см. также: Грейф 2013: 20).

В Европе, как, пожалуй, нигде больше в мире, имелось много торговых государств (городов-государств и республик), а также их союзов, что отмечалось многими исследователями (см., например: Dobb 1963a; 1963b; Spooks 1996; Mielants 2007). Эти потенциальные преимущества резко обозначились в связи с изменениями, возникшими в результате Великих географических открытий. Стоит также отметить, что нигде в мире не велся вылов рыбы и не производился морской промысел на столь далеких расстояниях от берегов и промышленными способами, как в Европе в позднее Средневековье и Новое время (см.: Бродель 1986–1992, т. 1: 234; Чистозвонов 1978: 147; Зингер 1981: 42–43; см. также: Kehoe 1992; Keller 2010).

Торговля, которая играла все большую роль в западном мире, не могла расти без развития финансовой сферы. И в этой сфере Европа стала опережать Азию еще в XIII–XIV вв. Да, кредит был распространен и на Востоке, а бумажные деньги впервые появились в Китае, но нигде кредит не развивался столь устойчиво и постоянно (см., например: Фергюсон 2014б). Ф. Бродель уделил этому процессу особое внимание, считая, что капитализм начал развиваться именно в сфере финансов и кредита (Braudel 1973; Бродель 1986–1992). Заметим, что во всех цивилизациях этому процессу мешали религиозные или идеологические догмы. Но в мире ислама и конфуцианства они оказались сильнее, чем в христианском мире, особенно после распространения протестантизма. И недаром финансовые кризисы, вызванные расстройством кредита или дефолтом, стали потрясать Европу уже с XVI–XVII вв. Можно считать, что дивергенция началась в финансовой сфере едва ли не раньше, чем в других отраслях, подобно тому как современная глобализация также проявилась прежде всего в финансовой сфере.

3.3. Некоторые сравнения Европы и Востока: социально-экономические особенности

Снижение уровня государственного вмешательства и большая частная инициатива. Фактор высокой частной инициативы (в условиях наблюдавшегося на протяжении длительного времени наличия свободных земель) и снижение уровня государственного вмешательства имели место изначально, сначала вследствие слабости европейских государств и особого влияния католической церкви, оспаривавшей политическое первенство у светской власти. Этот фактор проявлял себя в деятельности монастырей, купеческих объединений, организации ярмарок, в самоуправлении хозяйственной жизни и налогах в рамках городских общин и коммун и т. п. Но он стал особенно заметен с XII–XIII вв. и в раннее Новое время.

Пашенное земледелие в Западной Европе было менее производительным, чем на Востоке, и в то же время в отличие от ряда восточных стран государство не принимало участия в повышении плодородия земли. Это было частным делом. И чтобы повысить плодородие, требовались собственные инвестиции. В результате в позднее Средневековье и раннее Новое время доля накопления, которая шла в виде частных инвестиций в землю, в Европе стала расти (Тревельян 1959; Wilson 2008)¹². Этому способствовал и спрос растущих городов на различную сельхозпродукцию, что способствовало росту рыночных отношений и хозяйственной инициативе, закладывающим основы появления фермерского слоя среди крестьян (еще и в условиях перевода крестьян на аренду и/или повинности, выраженные в деньгах). Постепенно начинал устанавливаться определенный и благоприятный баланс: власть защищала собственников и не позволяла чрезмерно их притеснять

¹² На Востоке, например в Китае, Междуречье или Египте, государство периодами могло инвестировать огромные средства в улучшение земли, но, поскольку само государство развивалось циклично, процесс такого улучшения не был постоянным, а ирригационное хозяйство временами и вовсе приходило в упадок. На Западе с Нового времени процесс инвестирования в землю или в сельскохозяйственные технологии в целом шел по восходящей.

(это наблюдалось уже в формах выкупа прав городами у сеньоров, особых соглашений между королями и городами и т. п.). При этом собственники, в том числе бывшие феодалы, потерявшие политические права, не могли подменить государство и разложить его (см., например: Acemoglu, Robinson 2012). В некоторых случаях объединения собственников могли эффективно влиять на поведение властей, заставляя их проводить политику, поддерживающую торговлю и права купцов, выполнять свои обещания (см.: Грейф 2013; Greif 2006).

Институт частной собственности, который и ранее имел определенные преимущества в европейских странах перед азиатскими, стал совершенствоваться. В условиях более стимулирующей правовой среды и с учетом большей экономической свободы экономика начинает развиваться быстрее. Мы согласны с теми исследователями, которые считают, что без такого развития института частной собственности индустриализация не могла бы состояться, как не могла бы она состояться в иной правовой среде (см. ниже). Поэтому нам представляется неправильным, что ряд экономических историков (см., например: Clark 2007; Allen 2009; Аллен 2014; см. также: Роров 2014), увлекшись сравнением таких количественных показателей, как уровень потребления, производительность труда и т. п., стали придавать меньшее значение тому, что институт частной собственности в Европе был развит лучше, чем в странах Востока. Мы определенно не согласны с таким умалением (пусть порой и не специальным) роли данного института. Без наличия подобных институтов, прежде всего института частной и интеллектуальной собственности, индустриальная революция просто не могла бы начаться (North 1981; North *et al.* 2009; Acemoglu, Robinson 2012; Greif 2006; см. также идею о том, что истоки институтов, на которые опирался Запад в своем рывке, относятся к позднему Средневековью; о роли институтов средневековой Европы: Грейф 2013: 427; Фергюсон 2014a). В то же время, конечно, само по себе наличие институтов не объясняет причин совершения рывка в определенное время и в определенных местах. Поэтому необходимо определение факторов, их силы в разное время и особого их сочетания; то есть простых объяснений нет, есть комплексные и достаточно сложные.

В отличие от того, что нередко имело место на Востоке (особенно в Китае), где государство могло временами развивать производство собственными силами, аккумулируя огромные материальные и трудовые ресурсы, или с помощью прямых команд, запретов, указов и постоянного изменения законов, в Европе раннего Нового времени и в XIX в. постепенно утвердилось иное направление: государство все больше внимания стало уделять не прямому воздействию на экономику, а косвенному, в течение многих десятилетий путем проб и ошибок создавая то, что современные экономисты называют правилами игры¹³.

Особенность европейских городов как самоуправляемых центров развития. Часто отмечается особенность европейских городов как центров промышленности и торговли, которые экономически, а иногда и политически господствовали над сельской округой. Но, разумеется, многие города на Востоке также были в первую очередь центрами ремесла и торговли (см., например, об Индии: Ванина 1991; о Китае: Huang 2002: 519; 1990: 48–49). Поэтому, возможно, более важно выделить значительную самостоятельность во внутренней жизни и распределении благ в городах (о чем выше мы уже говорили). Конечно, в начале II тыс. по уровню урбанизации Европа отставала от Востока, но

¹³ Естественно, что примеров прямого влияния, подобных тем, что были в XVII в. во Франции во времена Ж.-Б. Кольбера (см.: Rayner 1964: 42–44; Малов 1994: 142–150; 2000), а равно запретов в Европе хватало. Мы не берем во внимание также эпоху догоняющей модернизации в Европе и Японии во второй половине XIX в., когда индустриализация (в том числе и создание железнодорожной сети, телеграфа) во многом осуществлялась под руководством и при финансовом участии государства (см., например: Supple 1976: 329–330, 340–351).

рост городов в ней продолжался очень активно. Уже к 1500 г. в Европе насчитывалось более 150 городов с населением в 10 тыс. и более человек (Blockmans 1989: 734). В некоторых местах Европа достигла невиданного уровня урбанизации, который не смог везде удержаться у столь высокого аттрактора, но был важным элементом начальной фазы промышленной революции XV–XVI вв.¹⁴

Помимо того, что в целом западноевропейские города обладали более высоким уровнем самоуправления и свободы в области правотворчества (в отношении собственности, гражданско-правового оборота, форм самоуправления, налогообложения и регламентации на своей территории), они также включали в себя много эффективных корпораций (Грейф 2013; Greif 2006). Небезынтересен и такой аспект, что большинство западноевропейских городов были небольшими (Дидерикс и др. 1998). Так, по подсчетам Ч. Иссави (Issawi 1980), в XVIII в. в многолюдных городах с населением более 10 тыс. человек на Ближнем и Среднем Востоке – в Турции, Иране, Египте и т. д. – сосредотачивалось от 10 до 20 % населения (см. также: Галич 1986; Мейер 1978). В целом в Средние века крупных городов в большинстве стран Западной Европы практически не было (см., например: Chandler 1987). Самым крупным долгое время был Париж (так, по оценкам Т. Чэндлера, уже в 1300 г. там проживало 228 тыс. человек). Соответственно почти все горожане жили именно в небольших городах. С одной стороны, такие города выглядели маленькими, неустроенными и антисанитарными по сравнению с их крупными восточными собратьями (которые были в целом значительно по причине как большего богатства этих обществ, так и большей их населенности). Некоторые из более крупных городов Востока также подвергались и большей регламентации со стороны правительства (см., например, о Стамбуле: Петросян 1990). Полагаем, что малые поселения более гибки и имеют больше эволюционных возможностей при соответствующих условиях, чем крупные (см. также следующий подпункт). Большое количество небольших городов в Европе также увеличивало эволюционное разнообразие и возможности специализации.

Кроме того, выделяют еще и такую особенность городских торговых обществ и их объединений, как военная экспансия для обеспечения торговли (см.: Mielants 2007; см. также: Pearson 1997; Brady 1997). Действительно, военно-торговая экспансия была характерна и для периода Великих географических открытий, и позже, но все же можно согласиться с Дж. Голдстоуном, что значимость этого момента преувеличена (Goldstone 2009). Однако более важно, может быть, другое. В Европе наряду с крупными дворянскими королевствами было, как нигде, удивительно много обществ (итальянские торговые республики, Голландия, ганзейские города, наиболее развитые кантоны Швейцарии и пр.), в которых финансовая и торговая буржуазия (купечество) имела очень высокий социальный ранг и престиж, а нобилитет мог состоять из круга аристократии, связанной с торговлей, где торговля была в центре внимания государственной политики. Все это создавало условия для роста значимости торгового сословия, которая повышалась эффективностью их корпоративных стратегий (Грейф 2013; Greif 2006). Отметим, что развитие промышленности долгое время не могло происходить вне торгового движения, поэтому развитие мануфактуры часто сосредотачивалось в руках этого же торгово-промышленного нобилитета, где капиталы, необходимые для развития промышленности, накапливались сначала путем торговли. Отметим и такой интересный феномен Европы

¹⁴ Половина населения или даже больше проживала в городах в Южных Нидерландах (с Брюгге, Гентом и Антверпеном), еще выше процент был в Северной Италии в долине реки По и окрестностях, где находились Венеция, Милан и Генуя (Blockmans 1989: 734; о высокой плотности населения см. также: Дидерикс и др. 1998: 33). Такой высокий процент урбанизации мог поддерживаться только при наличии доходной торговли. Поэтому ее упадок в итальянских городских республиках (равно как и в Южных Нидерландах в результате разгрома Антверпена) привел к их трансформации и замедлению развития. Отметим, впрочем, что, по расчетам Я. де Вриза, даже в 1800 г. в Бельгии в городах с численностью 10 тыс. жителей и более проживало лишь 18,9 % населения этой страны (de Vries 1984: 45).

раннего Нового времени, как формирование восточных и иных купеческих компаний, которые сыграли выдающуюся роль в деле торгово-военной экспансии европейцев в различных частях света (выступавших в роли авантюристов, одновременно бесстрашных, напористых, алчных и беспощадных). Эти компании, с одной стороны, были частными организациями прежде всего наиболее богатых и влиятельных лиц (хотя акционерами могли быть и люди «попроще»), а с другой – пользовались покровительством государств. Такая ситуация открывала большие просторы для предприимчивости и успеха (об истории голландской Ост-Индской компании см.: Фергюсон 2014а).

3.4. Эволюционные и территориально-демографические пропорции

Восток перерос подходящие пропорции для рывка. Для перехода к новым формам хозяйствования, для совершения индустриальной революции (тем более в ее ранней фазе) помимо целого ряда вышеуказанных обстоятельств также требовались определенные наиболее благоприятные для такого рывка пропорции в соотношении территории и населения (и в плотности населения [Sanderson 1995; 1999; Allen 2009; Grinin 2012a; Grinin, Korotayev 2015]). Для этого требовалась значительная по объему территория (которая в совокупности имела в Европе), но при этом население отдельных обществ должно было быть умеренным, а по меркам Востока – даже маленьким. Именно такое население было характерно для многих обществ Европы, где природный фактор (в виде изменения климата и чумы) к тому же весьма скоро (уже к XIV в.) поставил предел росту населения. Дело в том, что промышленная революция для своего осуществления требует довольно высокой доли несельскохозяйственного населения, что и наблюдалось в Европе, как мы показывали выше (см. также: Allen 2009: table 1.1; Аллен 2014).

Очевидно, что ведущие страны Востока с их громадным по европейским меркам населением не вписывались в нужные эволюционные пропорции для перехода к индустриальному обществу. Разница между обществами с населением в миллионы и в сотни миллионов колоссальна. Подобно античному рабству, избыточное население Востока также вело развитие в тупик, так как оно могло воспроизводиться только при крепком и развитом государстве или иных жестких системах (вроде индийских каст и общинной организации), которые не могли обеспечить рывок в новое состояние, так как главной задачей таких институтов было именно обеспечение стабильности, несмотря на все изменения. В отличие от К. Померанца (Pomeranz 2000: 107, 264), который считает, что в большинстве отношений густонаселенное ядро центральной части дельты Янцзы в Китае ничем не отличалось от Северо-Западной Европы, мы полагаем, что именно разница в пропорциях обеспечила Европе преимущества. Кроме того, общество, которое регулирует жизнь десятков и сотен миллионов человек, с одной стороны, должно иметь более высокие политические и административные формы, но с другой – ему гораздо сложнее изменяться, чем обществу, насчитывающему миллионы человек. Вот почему даже Франции с ее 20 млн человек было сложнее перестроиться, чем Англии с ее 5 млн. В Голландии было всего 3 млн человек, но именно там был достигнут невероятный процент городского населения. Еще в начале XVI в. более половины населения проживало в городах (Hart 1989: 664), причем в отличие от Фландрии и Италии (см. выше) Голландия смогла удержать такую структуру населения. Однако в период ее расцвета и торговой экспансии в XVII в. ей приходилось покрывать за счет импорта до четверти своей потребности в хлебе (Камерон 2001: 143; Cameron 1989; Якубский 1975; Сказкин 1968). Ясно, что слишком большой процент городского населения (выше 10–20 %) при огромном китайском населении было не прокормить. Кроме того, в результате перехода к более интенсивному сельскому хозяйству в Англии, связанному с огораживаниями, и в этой в общем-то немногочисленной стране, в XV в. еще нуждающейся в рабочих руках, вдруг оказалось много лишнего народа, который частью уезжал, частью попал под ре-

прессии суровых тюдоровских законов о бедных. А куда могли уйти десятки миллионов «ненужных» людей в Китае или члены многомиллионных каст ремесленников в Индии, ткани которых продавались по всему миру? И могла ли власть способствовать этому? В известном смысле, когда Европа отыскала нужный вариант технологического развития, восточные системы в эволюционном плане оказались обречены.

4. Догоняющая дивергенция второй половины XV – XVIII в.

Дж. Голдстоун, активно исследующий процесс Великой дивергенции и предшествующий ему период, с достаточно вескими основаниями приходит к выводу, что «единственный способ продвинуться здесь вперед – отказаться и от представлений о Европе как обладающей какими-то имманентными преимуществами и превосходством, уходящими в глубину тысячелетий, и от представлений о том, что до 1800 г. никаких существенных отличий между Европой и другими великими цивилизациями не существовало» (Goldstone 2013). Выше мы выяснили ряд существенных различий между Европой и Востоком (однако не все, для полного анализа потребовалось бы специальное исследование). Но с 1500 до 1800 г. соотношение разных характеристик и показателей между ними отнюдь не было константой. Напротив, эти соотношения существенно менялись и колебались. Однако в целом тенденция шла к тому, что наиболее развитые страны Европы постоянно догоняли и в какие-то моменты обгоняли по тем или иным пунктам наиболее развитые страны Востока. А по ряду показателей и характеристик (в числе которых были военное дело, наука и инженерное искусство, государственное управление) отрыв с некоторого времени довольно быстро нарастал. Однако до определенного момента это превосходство еще не превратилось в подавляющее доминирование.

Итак, период раннего Нового времени в отношении темы нашего исследования характеризуется двуединым процессом. С одной стороны, это процесс приближения и затем частичного опережения Западом ряда наиболее развитых восточных стран во многих отношениях, в которых Запад от них отставал (см. об этом выше). Эта двойственность (с одной стороны, более высокий уровень развития Востока, с другой – рост преимуществ Запада) ведет к многочисленным спорам, в которых каждая сторона по-своему права. Вот почему мы назвали этот период раннего Нового времени для Европы **догоняющей дивергенцией**, так как Европа в это время хотя и догоняла азиатские общества в отношениях, в которых отставала от них прежде, но при этом двигалась по иным траекториям. Другими словами, Европа решала проблемы сокращения отставания собственными инновационными методами, часто за счет технологий, и перегоняла в ряде других отношений, пока не создались условия для мощного комплексного отрыва – Великой дивергенции¹⁵.

Итак, это была дивергенция в условиях постоянного сокращения разрыва. Косвенно об этом свидетельствовал факт самодостаточности восточных стран, которым Европе, по сути, было нечего предложить, в то время как последняя жаждала товаров богатого Востока. С другой стороны, сильное отставание восточных стран в отношении техники, военного и финансового дела, науки, доли населения в несельскохозяйственном секторе и ряда других важных направлений, в которых Запад либо и без того опережал Восток, либо был близок к нему в начале рассматриваемого периода. Таким образом, налицо как конвергенция в ряде отношений (например, таких как уровень грамотности, урбанизации¹⁶, государственной культуры, производительности труда, объема промышленного производства), так и дивергенция в отношении военно-техническом и научном, распространении знаний и т. д. При этом важно учитывать, что конвергенция в принципе не

¹⁵ Т. Куран (Kuran 2011) называет период XVI–XVIII вв. долгой дивергенцией (The Long Divergence) из-за его длительности. Однако, на наш взгляд, это определение не отражает истинного значения периода.

¹⁶ Но, как мы видели, в отдельных европейских обществах уровень урбанизации мог быть удивительно высоким.

могла быть достигнута Западом путем стремительного увеличения численности населения (напротив, вплоть до середины XIX в. разрыв по численности населения между Китаем и Западной Европой только увеличивался, см. Рис. 14.1; о населении Китая см. также в конце данной главы).

Также мы видели, что разница в численности населения, относительно малое население в европейских странах по сравнению с восточными были важным преимуществом Запада. Конвергенция шла главным образом либо за счет развития технологии (так, например, повышение уровня грамотности происходило в результате изобретения и распространения технологии книгопечатания), либо в результате потребностей, которые не были актуальными в восточных странах или решались в них иначе (например, распространение знаний и грамотности происходило также в результате реформации и распространения религиозных общин определенного – протестантского – типа). Важную роль сыграла так называемая военная революция, которая, с одной стороны, была частью развития новых технологий, а с другой – во многом перестроила европейские государства, сделала их бюрократическими, переведя в новый тип государственности – развитых и зрелых (см.: Гринин 2010г; Grinin 2012a; Grinin, Korotayev 2006; Korotayev, Grinin 2006; 2012a; 2013)¹⁷. Подробнее об этом будет сказано в конце главы.

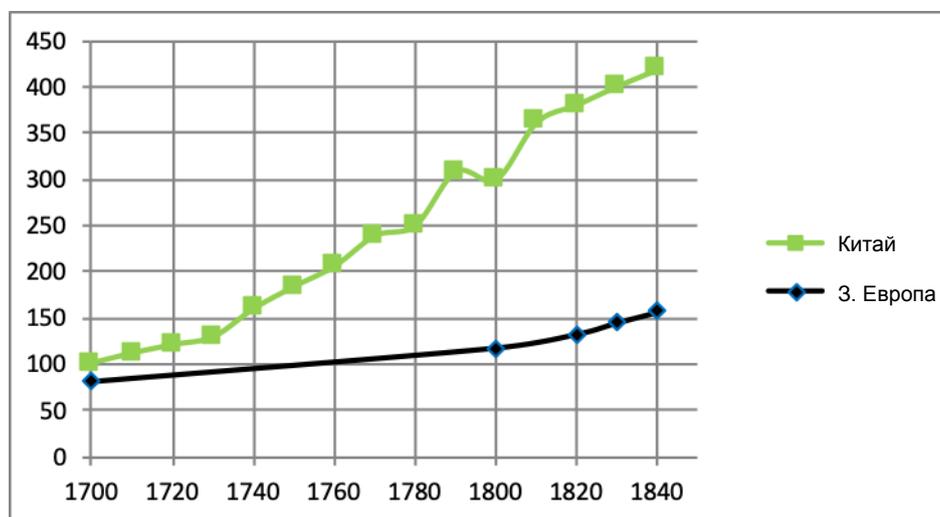

Рис. 14.1. Динамика численности населения в Китае и Западной Европе, 1700–1840 гг., в млн человек

Источники: Durand 1960; Zhao, Xie 1988; Korotayev, Malkov, Khalitourina 2006b; Cipolla 1981: 4; 1972: 36; Clark 1968: 64; Maddison 1991: 226–227; McEvedy, Jones 1978: 49, 51, 107; Maddison 2001; 2010.

Условия, движущие силы и следствия. Мы видели, что на Западе имелись довольно серьезные предпосылки для того, чтобы обогнать Восток. Но предпосылки могли оставаться потенциальными длительное время и имели шанс реализоваться только в определенных довольно необычных условиях, отличных от тех, что были на Востоке. Важнейшими среди них стали три взаимосвязанных условия: 1) жажда богатства и все большая кон-

¹⁷ В отношении ранней (пороховой) военной революции следует заметить, что дело обстоит не столь однозначно. Османская империя была здесь в числе лидеров, оказавших заметное влияние на соседние с ней страны, как европейские, так и восточные (Иран, Индию). Но в отличие от Европы дальнейшего существенного развития военной технологии здесь не наблюдалось. Напротив, с конца XVIII в. сначала Турция, а затем и другие восточные страны стали перенимать военные достижения Европы.

центрация усилий для овладения богатствами Востока. Отметим, что у богатых восточных обществ просто не могло быть такого стимула; 2) Великие географические открытия, ставшие неожиданно удачным результатом поиска богатств, и колонизация, решительно расширившая жизненное пространство; 3) изменение представлений о мире и разрыв с интеллектуальными традициями прошлого (Goldstone 2008b), что усилило процесс роста накоплений знаний и культуры, уже явственно проявившийся в XIV – первой половине XV в., но теперь трансформировавшийся в систематически ускоряющееся производство научных и технических знаний.

Важно понимать, что эти условия в неподготовленном обществе не могли бы стать источником столь серьезных трансформаций, которые мы наблюдаем в Новое время. Процессы изменений в торговле, промышленности и сельском хозяйстве, интеллектуальной деятельности и борьбе с обскурантизмом, в накоплении знаний и науке, в изменении отношения к денежному богатству, военной организации и технологии, мореходстве и многое другое, как мы подчеркивали выше, уже весьма ощутимо проявились в Европе и до Великих географических открытий. Очевидно, что хотя Европа отставала от стран Азии, но в течение XI–XV вв. разрыв существенно сократился. Также появляются и собственные крайне важные инновации, по которым Европа лидирует (в том числе артиллерия, оптика, хронометрия, производство стекла).

Но без географических открытий этот экономический и культурный подъем мог бы быстро исчерпать свой импульс, а с ними он получил мощнейшее подкрепление и расширение базы. При этом возникли и совершенно новые условия для развития, которых прежде в Европе не было. О некоторых условиях и следствиях в XVI–XVIII вв. пойдет речь ниже.

Стремление к богатству, его диффузия в обществе и рост экспансионизма. Относительная бедность западноевропейских стран по сравнению с восточными (недаром в Европе легенды о богатствах Индии и Китая были столь популярны) в условиях переизбытка элиты, усиленного традицией майората, в результате которого основная масса молодого дворянства не имела достаточных средств к достойному своему положению существованию, стала первичным стимулом для движения Европы к завоеванию мира (ярко проявившегося уже в крестовых походах)¹⁸. Кстати сказать, майорат был заметной особенностью Западной Европы, что вместе с более развитыми, чем на Востоке, отношениями собственности делало данный институт важным фактором в определенный период (в частности, создало те массы авантюристов среди бедных дворян, без которых западная экспансия за пределы Европы была бы существенно слабее).

С другой стороны, возможность отъезда лишней элиты в колонии и на поиски счастья в совершенно неведомые земли стала важной отдушиной для западноевропейских государств, способствующей укреплению сословного государственного порядка. Наши исследования показали, что для перехода к типичному развитому государству и обретению страной способности к эффективной централизации (не допускающей ее распада или существенного ослабления центра) порой требуется физическое или социальное уничтожение либо самоуничтожение общественных слоев, которые ей препятствуют, в том числе части элиты или контрэлиты (см., например: Гринин 2010г: 220–221). Это наблюдалось в период борьбы за такую централизацию как в восточных, так и в западных странах либо в период укрепления развитого государства во время важных реформ и трансформаций. Например, массовое уничтожение почти 100 тыс. деклассированных самураев (то есть не получавших жалованья рисом), так называемых *ронинов*, ставших в оппозицию сёгуну, произошло в начале XVII в. в Японии. Фактически была уничтожена

¹⁸ Обратим внимание, что более богатые страны, такие как Франция, в меньшей степени стремились к поиску внешних богатств. Франция лишь позже подключилась к процессу глобализации и освоения колоний в условиях конкуренции с европейскими соперниками.

четверть всего этого сословия (Гальперин 1958: 24; Сырицын 1987: 147; Ацамба и др. 1987). Общеизвестны многочисленные казни бояр во времена Ивана Грозного. В Египте в начале XIX в. Мухаммадом Али было уничтожено большинство мамлюков, которые в течение долгого времени были фактическими хозяевами этой страны, а затем стали препятствием на пути ее независимости, централизации и модернизации (Губер и др. 1982: 203–205; Бедняк и др. 1958; Marsot 1984; 2004; Гринин 2006б). До этого попытки уничтожить мамлюков предпринимал правитель Египта Али-бей аль-Кабир (1757–1773) (см.: Marsot 2005: 45). При турецком султани Махмуде II в 1826 г. в столице и провинциях были уничтожены десятки тысяч янычар, которые яростно сопротивлялись военным реформам и неоднократно устраивали государственные перевороты (Петросян 1990: 181–182; Губер и др. 1982; Еремеев 1980). Расправы по масштабам намного превосходили стрелецкие казни Петра I, но по типу репрессий события были весьма похожи (см., например: Еремеев 1980: 115–116). В известной степени и резня гугенотов во Франции в XVI в. также может быть отнесена к этой серии явлений, тем более что среди уничтожавшихся гугенотов был очень высокий процент дворян и городской верхушки. Зато при Людовике XIV отмена Нантских эдиктов привела не к уничтожению, а к эмиграции гугенотов, что, как и прежние их эмиграции, способствовало подъему Голландии и Англии (см. ниже)¹⁹. Соответственно эмиграция в колонии была важной формой уменьшения численности высших сословий, она также выводила буйный и беспокойный элемент за пределы государства в ряде стран Западной Европы (см., например: Майский, Пономарева 1964: 365).

Итак, географические открытия и колониальные приобретения, рост торговли и промышленности, распространение знаний об успехах – все способствовало расширению этого стремления в обществе. А когда к ней прибавилось «освящение» богатства со стороны новой реформистской религии (особенно вульгаризированной ее версии – кальвинизма, недаром Голландия стала главным двигателем мировой торговли), то стремление к обогащению затронуло очень многие слои общества. А поскольку возможность обогащения все теснее связывалась с новыми землями и торговлей с ними, то *курс на экспансионизм, глобализацию стал важнейшим условием и двигателем догоняющей дивергенции*.

Богатый Восток, которому торговля или ее расширение были не столь необходимы, в конечном счете неадекватно ответил на западную глобализацию. По мере усиления контактов с европейцами, которые вместе с торговлей продвигали и западные, в первую очередь религиозные, ценности, ряд стран стал попадать в зависимость (как Индия и Индонезия), а все крупные восточноазиатские страны закрылись от европейцев, оставив лишь узкую строго контролируемую щель для контактов.

О роли внезапного богатства для Европы. Можно порассуждать об одном важном следствии произошедших изменений, которое не столь часто дискутируется. Одним из важнейших параметров, по которому Европа значительно уступала Азии, а отдельные западные страны долго не могли обогнать, в частности, Китай, был объем ресурсов, которые могли сконцентрировать правительства для определенных целей. Такая разница проистекала из огромных различий в плотности населения, уровне политической централизации и хозяйственно-экологического потенциала. Европа являлась относительно бедной частью света, где сосредоточить крупные ресурсы было очень сложной задачей. Масштабы концентрации ресурсов в том же Китае, когда правительство реально этого хотело, потрясают. При правильной организации это государство (как и другие восточ-

¹⁹ Примером самоуничтожения элиты является Англия, где в результате войны Алой и Белой розы в XV в. погибла значительная часть древней аристократии (Мортон 1950: 127–128; Турчин 2007; Turchin 2003; Гринин 2010г). Впрочем, религиозные войны во Франции и Германии также можно рассматривать как пример самоуничтожения элиты.

ные политики) могло достичь очень многого. Вот почему у восточных монархов не было столь суровой необходимости в поиске средств сделать государство богаче, оно было и так достаточно богатым, вопрос заключался скорее в правильной организации сбора средств и их распределения. Неудивительно, что флот Чжэн Хэ и размеры его кораблей (см.: Goldstone 2008b; Голдстоун 2014) намного превосходили флот Колумба. Но дело было не в технологической отсталости европейских государств. Известно, что уже в XV в. в Европе создавали корабли очень большого для той поры водоизмещения – более тысячи тонн. Проблема заключалась в относительной бедности королевств. Для экспедиции Колумба нашли лишь корабли небольшой грузоподъемности, поскольку в испанской казне не было денег. Но уже Непобедимая армада через 100 лет могла сравниться с флотом Чжэн Хэ. За это время богатство европейских монархов, особенно испанского, выросло на порядок.

Тот поток драгоценных металлов, который начал поступать в Европу из Америки приблизительно с 1530-х гг., резко изменил ситуацию. Поскольку испанское золото и серебро так или иначе распространялось по всей Европе (в частности, к 1600 г. не менее 40 % дохода Испании направлялось на обслуживание старых долгов; см.: Макнил 2008: 134; McNeill 1982), возникла ситуация внезапного обогащения общества. Но в отличие от обогащения, которое реализовывалось в дополнительном производстве продуктов питания и в итоге превращалось в условие для роста населения, богатство Европы было представлено в самом конкретном и ликвидном виде – в драгоценных металлах, в денежном богатстве. В известной мере это напоминало внезапное обогащение страны-завоевателя, подобно тому, что было, например, в империи Тимура. Но если у этого завоевателя богатство уходило на украшательство Самарканда и новые походы, то, по крайней мере, в Северо-Западной Европе оно использовалось с большей пользой: сразу возрос объем инвестиций во многие отрасли и фонды, а богатство стало превращаться в растущий поток товаров с богатого Востока. В бедном обществе всякое движение в сторону высокой конъюнктуры непрочное, поэтому долгосрочный рост затруднителен: сегодня есть спрос на товары, а завтра он падает. В условиях стабильного и некоторое время увеличивающегося потока драгоценных металлов спрос на промышленные и сельскохозяйственные товары стал постоянным и возрастающим. Недаром дух капитализма окончательно утверждается именно в XVI столетии, столетии несметных американских богатств. Действительно, можно было поверить, что Господь помогает в бизнесе, если год от года рос спрос и требовалось расширение дел. Самым опасным был дефолт со стороны правителей, которым всегда не хватало денег. В остальном европейская торговля и промышленность росли как на дрожжах. Да, в XVII в. оказалось, что постоянный поток богатства не является исключительно благом, и тяжелые социальные кризисы, связанные также с изменением климата, а равно и жестокими войнами, обрушились на Европу (как, впрочем, и на все ведущие общества Афроевразийского ареала [Parker 2013]). Однако маховик роста уже был запущен. По словам У. Макнилла, рост цен и благородных металлов стал действовать как социальный «растворитель», что способствовало подъему средних классов к политическим высотам в Северо-Западной Европе (McNeill 1963). И остановить этот маховик было невозможно (он, в частности, подпитывался постоянно расширяющимся объемом колониального хозяйства в Америке). Маховик роста был таков, что уже в XVIII в. многие европейские государства (с небольшим по азиатским меркам населением) могли собирать огромные армии и содержать их на постоянной основе, строить громадные флоты, крепости и т. п., то есть уже были сравнимы с крупными азиатскими обществами по возможности концентрации ресурсов.

Это могло произойти в результате общего роста богатства, все большая часть которого выражалась в деньгах и могла быть монетизирована, а также и за счет гигантского развития кредитного дела, в частности института национального долга и развития нало-

говой системы (см., например: Vogart *et al.* 2010). Таким образом, во многом именно быстрый рост богатства в денежной форме в XVI в. запустил процесс догоняющей дивергенции на гораздо более высокой скорости, чем раньше. Обратим также внимание на то, что Испания и Португалия (а путем различных операций с ними и другие европейские страны) приобрели уникальную позицию в мире, поскольку стали обладателями источников производства мировой валюты. Это позволило расти и реальному богатству европейских обществ благодаря постоянному превышению импортом экспорта²⁰. Обратим внимание, что и сегодня могущество западных экономик во многом держится на обладании свободно конвертируемыми валютами (см. также Гринин, Коротаев 2016: глава 3).

Стремление к импортозамещению на Западе. Как уже было сказано, именно Западу нужны были товары Востока (а не наоборот), но сам Запад в смысле товаров мало что мог предложить Азии (шерстяные и стеклянные изделия, железные инструменты, меха, да еще африканская слоновая кость – вот почти весь список). В течение всего раннего Нового времени преобладал экспорт из Азии в Европу (см., например: Findley 1989; Frank 1998; Held *et al.* 1999; Pomeranz 2000; Goldstone 2008b; So 2012; Голдстоун 2014)²¹.

Дисбаланс в торговле с Востоком усиливал стремление к импортозамещению в Европе. Отсюда возникал поиск возможности самим производить различные ценные восточные товары: шелковые ткани, фарфор, сахар, кофе, чай и другое. А что такое импортозамещение в тогдашних условиях, когда технологии нельзя было купить? Это прямой путь к поиску инноваций или прикладных путей для использования тем или иным способом выведенной инновации, то есть путь к промышленному развитию. Поэтому неудивительно, что импортозамещение в отношении хлопчатобумажных тканей стало одним из стимулов для начала промышленной революции, ведь до начала импортозамещения за век с небольшим (с 1614 по 1725 г.) объем ввоза хлопчатобумажных тканей в Англию вырос более чем в 13 раз (с 12,5 тыс. кусков до 165 тыс. [Чичеров 1965: 137]).

Итак, западноевропейские страны (и особенно Англия) стремились к тому, что сегодня называется импортозамещением, то есть к производству различных товаров самостоятельно (равно как и стремились найти возможность обходиться без крупнооптовых туземных посредников). Импортозамещение имело важнейшие последствия в рамках внутриевропейской торговли, так как благодаря доктрине меркантилизма и распространению идеи так называемой эмуляции (*emulation*), то есть стремления сравняться с другими или превзойти их в развитии определенных экономических достижений, все больше стран стремилось к развитию собственной промышленности (Reinert 2007; Райнерт 2011: 46). Импортозамещение промышленных товаров из Азии стало источником технологического роста. Дефицит древесины, как известно, стал стимулом для развития других источников энергии: в Голландии – торфа (см.: Аллен 2014: 152), что не имело серьезных последствий в дальнейшем, а в Англии – роста добычи каменного угля, значение которого трудно переоценить.

Накопление научных и практических знаний. Стремление к успеху, богатству стало сильно коррелировать со стремлением к накоплению знаний, значимо проявившемуся в Европе в период Возрождения. Однако в этом отношении конфуцианские страны к началу Нового времени значительно опережали европейские, поскольку традиции накопления, систематизации и преумножения знаний в первых были давними и крепкими (хорошим примером могла бы служить историография Китая).

²⁰ Это могло произойти и потому, что европейцы создали в XVI в. достаточно эффективный способ добычи и обогащения (амальгамации) серебра (Hall 1980; Meyerriecks 2003: 142–143).

²¹ Например, в первой половине XVIII в. соотношение между грузом товаров и грузом серебра на британских судах, которые торговали с Китаем (порт Гуанчжоу), было 10 : 90 (Симоновская 1974: 175; см. также: Чичеров 1965: 135, 139; Петров 1986: 171; см. также: Goldstone 2013).

Рост грамотности в Северо-Восточной Европе (см., например: Аллен 2013), опиравшийся на рост производства книг, в описываемый период был в первую очередь связан с урбанизацией, потребностью в знаниях и реформаторским движением. Так, за период возникновения и укрепления протестантизма в Европе было напечатано 500 млн экземпляров Библии (Назарчук 2006: 79), невероятное количество для прежних рукописных технологий. Однако рост грамотности имел самые разнообразные последствия. В частности, можно проследить и такую нелинейную положительную обратную связь, которая может быть представлена в виде следующей цепочки: *рост образования – увеличение объемов издания и эффективности специальной технологической литературы – рост применения новых технологий – рост производства – рост объема ресурсов, расходуемых на развитие системы образования, – ускоренное развитие системы образования и т. д.* Таким образом, фактор грамотности становится с определенного времени фактором роста производства вообще.

Рост естественно-научных и математических знаний в Европе в этот период беспрецедентен и общеизвестен (см., например: Singer 1941; Goldstone 2008b, см. также Рис. 14.2 и 14.3). Уже в XVII в. развитие гидроэнергетики, инженерного дела и баллистики прочно опиралось на научные достижения (см.: Рейснер 1986: 225). Изобретения в области паровой машины Д. Папена и Т. Ньюкомена имели связь с достижениями науки (см., например: Allen 2009; Аллен 2014). С другой стороны, спрос на точные научные приборы и инструменты существенно продвинул техническое развитие и мастерство, во многом способствовал использованию и распространению технологий, примененных в научных приборах, в промышленной технике (см.: Рейснер 1986: 228–230; Goldstone 2008b; Мокур 2002; Мокир 2012: 56; см. также: Мокир 2008; 2014).

Скорость распространения инноваций в Европе. Как известно, математическая модель Таагепера – Кремера исходит из следующего допущения: «Высокая численность населения ускоряет технологический рост²², так как она увеличивает число потенциальных изобретателей <...> среди большего населения будет пропорционально больше людей, достаточно удачливых и сообразительных, чтобы предложить новые идеи» (Kremer 1993: 685; Taage-pera 1976; 1979a; 2014; Tsirel 2004; Korotayev, Malkov, Khalitourina 2006a; Korotayev 2005; 2006a; 2007; 2008; 2009; 2012; Коротаев 2006б; 2010a; 2010б; Коротаев, Малков, Халтурина 2005a; 2005б; 2007; 2008), поэтому «темпы технологического роста пропорциональны общей численности населения»²³. Она достаточно адекватно описывает динамику технологического роста на мир-системном уровне, в то время как об адекватности применения этой идеи к отдельным государствам и периодам идут дискуссии. Но в отношении обществ и государств вряд ли можно оспорить мысль, что чем больше у общества контактов с другими обществами, тем активнее оно аккумулирует чужие инновации, тем быстрее соответственно идет технологический рост. Таким образом, увеличение внешней активности европейских стран привело к кумулятивному накоплению инноваций. *Следовательно, можно говорить о правиле, согласно которому чем больше контактов у общества и чем они разнообразнее, тем больше в нем инноваций.* Сказанное в едва ли не большей степени относится к контактам в самой Европе. Здесь можно говорить о *конкуренции равных*, чего не было в Азии, в частности на Дальнем Востоке, где главным образом шла борьба с варварами. Конкуренция равных –

²² Особое внимание М. Кремер не без оснований обращает здесь на то обстоятельство, что «издержки на изобретение никак не зависят от того, сколько человек этим изобретением будет пользоваться» (Kremer 1993: 681).

²³ Отметим, что под темпами технологического роста М. Кремер имеет в виду относительные темпы технологического роста (то есть приращение уровня технологического развития за некий промежуток времени в отношении к уровню технологического развития, наблюдаемому на момент начала данного временного промежутка).

мощнейший двигатель развития²⁴. Именно благодаря ему возникали такие явления, как протекционизм и меркантилизм, много способствовавшие промышленному и торговому развитию Европы (Reinert 2007), происходили изменения в военном деле, военных технологиях, методах управления государством, развитие грамотности и внедрение новых законов.

В соединении же с вышеуказанным обилием контактов и распространением знаний и открытий легко понять, что двигатель развития работал в Европе гораздо быстрее, чем в Азии. Скорость распространения инноваций в Европе была существенно выше, чем в азиатских странах. Возможно, внутри одного восточного общества (например, в Китае) инновации благодаря централизации и другим достижениям могли распространяться довольно быстро, но мы не видим какого-либо ускорения темпов распространения инноваций между азиатскими обществами в XVI–XVIII вв. В целом эти темпы оставались теми же, что и многие столетия назад (см. Рис. 13.2, 13.3). Причем различия в темпах распространения инноваций между европейскими и азиатскими обществами проявлялись уже в позднем Средневековье (см. Рис. 14.2, 14.3), что дополнительно объясняла большая внутренняя конкуренция при относительном равенстве соперников. Если рассмотреть пример развития огнестрельного оружия и способов защиты от него, то, по данным У. Макнила (2008: 102; McNeill 1982), первые орудия появились практически одновременно в Европе и Азии (первые свидетельства относятся к 1326 и 1332 гг.). Возможно, что европейцы заимствовали не только порох, но и идею орудий из Китая. Однако уже во второй половине XV в. европейцы обогнали весь остальной мир во всем, что касалось пушек (Макнил 2008). При этом важно отметить, что в последней трети XV в. в результате войн Франции и Бургундии артиллерийские орудия были значительно усовершенствованы (каменные ядра заменены на железные, калибр и вес орудий уменьшен, а главное – у них появились колеса и лафеты, что сделало артиллерию маневренной и она смогла проходить везде, где проходили телеги [см.: Там же: 111]). Макнил даже пишет, хотя это, конечно, преувеличение, что в целом разработанная в 1465–1477 гг. во Франции и Бургундии схема осадных орудий использовалась до 1840-х гг., лишь с одним незначительным усовершенствованием (Макнил 2008; McNeill 1982; см. также: Cipolla 1965). Артиллерия восточных стран отставала. И хотя в XVI в. она под влиянием турецкого примера была усовершенствована (см. ниже), в целом скорость инноваций в развитии огнестрельного оружия на Востоке была намного ниже, чем на Западе, особенно это касалось флота. В этой связи отметим, кстати, что зарождение европейской современной промышленности уже в XV – начале XVI в. было во многом связано с первой (пороховой) военной революцией. Огромная потребность в меди для отливки бронзовых орудий была мощным стимулом для развития горных разработок (и их механизации) в Центральной Европе, в том числе в Южной Германии и Богемии, где также добывали много серебра, свинца и т. п. (см.: Бакс 1986; Nef 1987). А рост потребности в железе вызвал переход на чугунное литье и строительство первых домен (Там же). Вторая военная революция началась в Европе в конце XVI–XVII в., когда возникла постоянная, по-новому организованная, дисциплинированная, маневренная, каждодневно тренирующаяся армия, способная четко выполнять приказы командиров, с четким взаимодействием всех родов войск. Такая армия потребовала перестройки европейских государств и финансов, но она сделала европейские армии (как некогда римскую, многие идеи которой были положены в основу европейской военной революции [Макнил 2008]) намного более сильными в сравнении с восточными. Именно в конце XVII в. Турция теряет возможность на равных вести войны с европейскими странами. Ни в одной стране Востока, таким образом, уже

²⁴ Это отмечали Эрик Джонс (Jones 1987), Дэвид Ландес (Landes 1998; 2006) и другие исследователи (см., например, взгляды на гегемонию в Европе: Dehio 1962).

начиная с XVII в., а тем более в XVIII в., не было армии, способной противостоять европейской (это подтверждается как победами русской армии над турецкой в XVIII в., победами по-европейски обученной армии, состоящей из туземных солдат под руководством европейских офицеров Ост-Индских компаний на Яве и в Индии, так и знаменитым Египетским походом Наполеона). Между тем развитие военных технологий и способов организации во все времена было важнейшим источником развития инноваций.

Таким образом, в развитии военных технологий и военной организации процесс дивергенции шел особенно сильно; возможно, сравнить его скорость можно было бы только с развитием дивергенции в области научных знаний. Важно также, что военная дивергенция была общеевропейским феноменом (а не только английским).

Непрерывность изменений на Западе. В завершение раздела укажем еще на то, что многие линии изменений в Европе, которые возникли еще в позднее Средневековье, прослеживаются как непрерывные в период XVI–XVIII вв., а некоторые имеют даже тенденцию к ускорению. Дж. Голдстоун справедливо пишет в отношении доиндустриальной эпохи, что «технологические и организационные изменения в доиндустриальный период были крайне рассредоточенными во времени и пространстве и обычно изолированными, что не способствовало дальнейшему поступательному развитию» (Goldstone 2008b: 27). Кроме того, возникнув, какие-то комплексы могли очень долго не меняться. По мнению Голдстоуна, «технологические инновации и изменения до 1800 г. наилучшим образом описывает слово “единичные”, так как различные технологии появлялись в разное время и в разных местах, но потом практически не развивались» (Goldstone 2008b: 28–29). Мы видим более или менее ясные линии развития сельскохозяйственных технологий (см., например: Мокир 2014: 331) и технологий управления государством в Китае, то есть наиболее важные для сохранения стабильности и процветания в его условиях (см., например: Wright 2001; Korotayev, Malkov, Khalitourina 2006b; Гринин 2010²⁵). В то же время Китай и другие восточные общества знали многие технологии и имели хорошие возможности их развивать далее, но не имели к этому потребности²⁵. На тот факт, что китайцы (как, впрочем, и индийцы, и арабы), имея техническое превосходство над европейцами, не смогли его сохранить, часто обращают внимание. Но для некоторых, как для Дж. Мокира (2014: 331), это является «величайшей загадкой в истории техники». Однако на самом деле прекращение дальнейшего развития каких-либо достижений было до индустриальной революции скорее нормой, чем отклонением от нормы (даже в Европе прежние лидеры в технологиях – итальянцы и голландцы – в XVIII в. уже совсем перестали быть ими). А уж неспособность удержать лидерство – это тем более норма, поскольку эволюция обычно требует смены лидерства. Другие исследователи, такие как У. Макнил (2008), вполне логично объясняют отсутствие потребности в постоянном развитии технологий (прежде всего в отношении Китая) огромной зависимостью всех процессов от потребностей и интересов государства, которые существенно менялись в зависимости от особенностей династии и внешних обстоятельств.

Как бы то ни было, восточные страны не смогли развить свои достижения, а Европа (но в разное время и разные европейские нации), как мы видели выше, имела такие потенции к развитию. Мы можем рассмотреть многие линии развития технологии в Европе и убедиться в этом. Например, развитие кораблестроения и кораблевождения дает нам непрерывную линию улучшений. То же касается оптических приборов, военных технологий как в области создания орудий и ружей, так и в области фортификации; финансовых технологий и многого другого. А непрерывное развитие науки? И такая непрерывность многих технологических линий говорит о том, что скорость технологического и общего развития в Европе увеличивалась в течение всего Нового времени. Возникали

²⁵ Так, создав могучий и передовой флот в XV в., Китай далее не продолжил его развивать, и китайцы потеряли навыки подобного судостроения.

целые сложные сектора экономики. «С начала XVII в. в Европе наблюдался поразительный рост числа научных и технических изобретений, в результате чего Европа превратилась в мирового лидера в области технического прогресса», – справедливо пишет Дж. Голдстоун (Goldstone 2008b: 121; 2014b: 212).

Здесь, впрочем, необходимо сделать одно существенное уточнение. Прделанный нами анализ сравнительной динамики научно-технологической инновационной активности в Европе и Китае в XV–XIX вв. показал, что «поразительный рост числа научных и технических изобретений» в Европе наблюдается не с начала XVII в., а существенно раньше – со второй половины XV в. (см. Рис. 14.2 и 14.3).

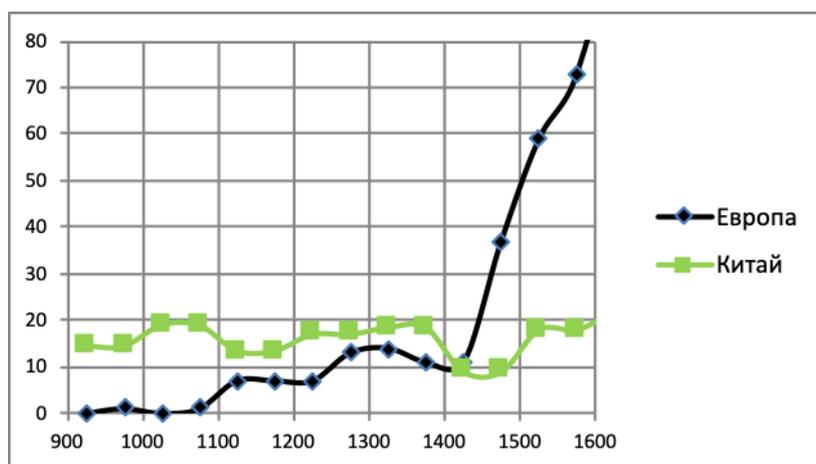

Рис. 14.2. Число научно-технологических инноваций в Европе и Китае в пересчете на каждые полвека за период 900–1600 гг.

Источники данных: Hellemans, Bunch 1988; Goldstone 2008b: 122.

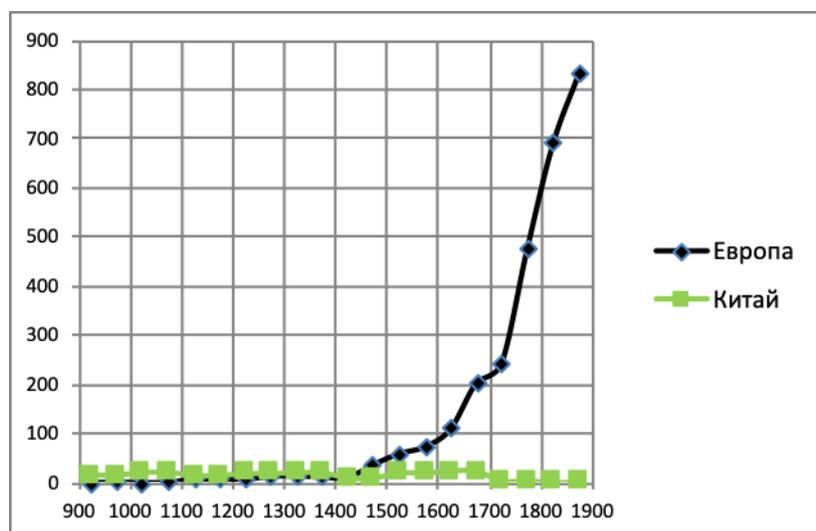

Рис. 14.3. Число научно-технологических инноваций в Европе и Китае в пересчете на каждые полвека за период 900–1900 гг.

Источники: Hellemans, Bunch 1988; Goldstone 2008b: 122.

Как мы видим, стремительное усиление научной и технологической инновационной активности наблюдается уже во второй половине XV в., и в XVI в. Европа уходит по этому показателю в весьма заметный отрыв от Китая. Однако здесь следует иметь в виду то обстоятельство, что рассматриваемый нами индикатор представляет собой показатель не абсолютного уровня научно-технологического развития, а темпов роста этого уровня. Поэтому рассмотренную выше картину неправильно было бы интерпретировать в том смысле, что уже в XVI в. Европа по уровню своего научно-технологического развития намного опередила Китай. К 1800 г. Европа «оторвалась» от Китая (и Востока в целом) очень далеко, и по этому показателю к концу XVIII в. дивергенция между Западом и Востоком уже состоялась. Таким образом, начиная с XV в. Европа стала достаточно быстрыми темпами догонять Китай по разным параметрам, однако к этому времени разрыв между Китаем и Европой был так велик, что даже после трех веков очень быстрого догоняющего развития к 1800 г. большая часть Европы так и не смогла превзойти Китай по характерному показателю – уровню зарплат населения (Allen 2001; Goldstone 2008b; Allen *et al.* 2005; 2011). Согласно некоторым подсчетам, и по доходам на душу населения Китай долго не только не отставал, но даже опережал Европу. Например, по отдельным оценкам, в 1800 г. ВВП на душу населения в Китае был равен 210 долларам, а в развитых странах Европы – только 200 долларам (см.: Петров 1986: 75)²⁶. Напомним, что даже ярый сторонник западной экономической системы А. Смит указывал в конце XVIII в., что в отношении развития промышленности и ремесел Китай и Индостан хотя и уступают, но ненамного, любой части Европы (Смит 1993). С учетом того, что основное богатство Индии и Китая производилось в сельском хозяйстве, приведенные выше данные о подушевом ВВП выглядят вполне релевантно²⁷.

Не менее важным здесь представляется и следующее обстоятельство. Во второй половине XV в. в Европе радикально изменился сам паттерн научно-технологического роста, который ранее слабо отличался от традиционного паттерна научно-технологического роста, свойственного для сложных аграрных цивилизаций. Для него характерно преобладание циклической компоненты над трендовой. Именно этот паттерн был характерен для китайской цивилизации на протяжении всего рассматриваемого периода, как и для Европы, вплоть до второй половины XV в., когда он сменился совершенно иным паттерном постоянного ускорения темпов научно-технологического инновационного роста. Однако стоит напомнить, что на Рис. 14.2 и 14.3 речь идет не о динамике уровня научно-технологического развития, а о динамике изменения темпов роста этого уровня. Поэтому даже то, что выглядит на Рис. 14.7 как некое замедление темпов научно-технологического роста в первой половине XVIII в., является своего рода «графической аберрацией». Действительно, если, по данным Хеллеманса – Банча, в 1650–1699 гг. в Европе было сделано 202 важных изобретения и открытия, то в первой половине XVIII в. их уже было значительно больше – 244. Таким образом, и в первой половине XVIII в. в Европе наблюдалось весьма значительное ускорение темпов научно-технологического инновационного роста, однако его «затмевают» еще более высокие темпы ускорения, характерные как для периода 1600–1649 гг., так и для периода 1750–1799 гг. Итак, уже во второй половине XV в. Европа перешла от преимущественно циклического паттерна научно-технологического роста, характерного для досовременных

²⁶ Г. Киссинджер (2014: 27) писал о Китае: «Еще в 1820 году он производил более 30 процентов мирового ВВП, что превышает ВВП Западной и Восточной Европы, а также Соединенных Штатов, вместе взятых» (ср.: Maddison 2006: Appendix B, 261–263). Хотя к этому времени подушевой продукт в Китае, по видимому, уже был меньше европейского.

²⁷ В 1750 г. западные страны произвели ВВП на сумму 35 млрд долларов, страны Востока – на 112 млрд, а в 1820 г. – соответственно 47 и 137 млрд долларов (Яковлев 2015: 41). Подробнее о динамике доли ВВП западных и незападных стран см. *Главу 15*.

сложных аграрных обществ, к современному выражению трендового научно-технологического росту.

Дж. Мокир совершенно справедливо отмечает, что «истинный ключ к пониманию того, почему промышленная революция произошла в определенное время, нужно искать в научной революции XVII в.» (Мокир 2002: 29). Действительно, промышленную революцию можно считать вполне логическим продолжением процесса стремительного ускорения темпов научно-технологического инновационного роста, наблюдавшегося в Европе со второй половины XV в., важнейшим этапом которого явилась и научная революция XVII в. Вместе с тем можно взглянуть на этот процесс и несколько шире. Можно сказать, что уже с середины XV в. в Европе намечается переход на траекторию современного научно-технологического роста, что подготовило ее и к выходу в XIX в. на траекторию современного экономического роста. Именно «малая» научно-технологическая дивергенция между Западом и Востоком в XV–XVIII вв. во многом и подготовила Великую дивергенцию XIX в.

Таким образом, именно в том, что технологии (по крайней мере, многие) развивались в Европе со второй половины XV в. устойчиво поступательным образом, можно видеть доказательство наших идей о догоняющей дивергенции и о том, что с конца XV в. в Европе (и в Англии в частности) происходила промышленная революция, завершающая и наиболее важная фаза которой осуществлялась в 1760–1830 гг. в Англии, а затем и в остальных западных странах. Кроме того, в целом в Западной Европе (а в Англии и Голландии тем более) укреплялся коммерческий дух, которым заражались все слои общества, даже монархи (например, Елизавета I Английская). Достаточно почитать некоторые книги этого времени, особенно английские (например, произведения Д. Дефо или Дж. Свифта), чтобы согласиться с этим. В XVII в. совсем не случайно появляется концепция меркантилизма, а европейские монархи убеждаются, что именно торговля и промышленность становятся главными источниками богатства государства. В XVIII в. почти все монархи еще больше заботятся о коммерции и ремеслах, и это общий вектор европейского развития. Например, вся внешняя политика Петра I – добиться выхода к морю и торговать! Хотя на Востоке было много предприимчивых людей, все же общий вектор коммерциализации жизни в Европе был выше, чем на Востоке.

5. Подчинение Востока и начало его трансформации. Насильственное открытие Китая, Японии и других стран. Разные траектории развития стран Востока и других регионов. Отголоски Великой дивергенции

Все отношения между Европой и Азией в течение XVI–XIX столетий в принципе можно выразить двумя понятиями: торговля и колониальные захваты, причем очень часто они шли рука об руку.

О политике закрытости (названной нами антиглобализацией), мы уже говорили в главе 12. Однако, хотя она и была успешной два столетия, в 19 веке уже не могла работать и восточные страны были открыты насильственно. Насильственное открытие Китая, вызвавшее глубочайший кризис в этой стране, также, как известно, началось с торговли, только основным ее предметом выступил индийский опиум. Попытки китайского правительства положить этому предел привели к опиумным войнам, в результате которых Китай вынужден был открыть целый ряд портов для торговли (история опиумной торговли и войн см.: Непомнин 1974; 2005; Илюшечкин 1967; она также довольно подробно изложена в: Киссинджер 2014: гл. 2). В результате страну, уже находившуюся на пороге социально-демографического кризиса (Korotayev, Malkov, Khaltourina 2006b), потрясло длительное Тайпинское восстание, во время которого из-за недостаточного контроля были прорваны дамбы на реке Хуанхэ. Все это вместе привело к катастрофе и, по неко-

торым оценкам, гибели 118 млн человек (Cao Shuji 2001: 455–689; Huang 2002: 528; см. также: Илюшечкин 1967). При этом важно отметить, что по валовому продукту экономика Китая в середине XIX в. все еще была крупнейшей в мире (см. Рис. 14.4).

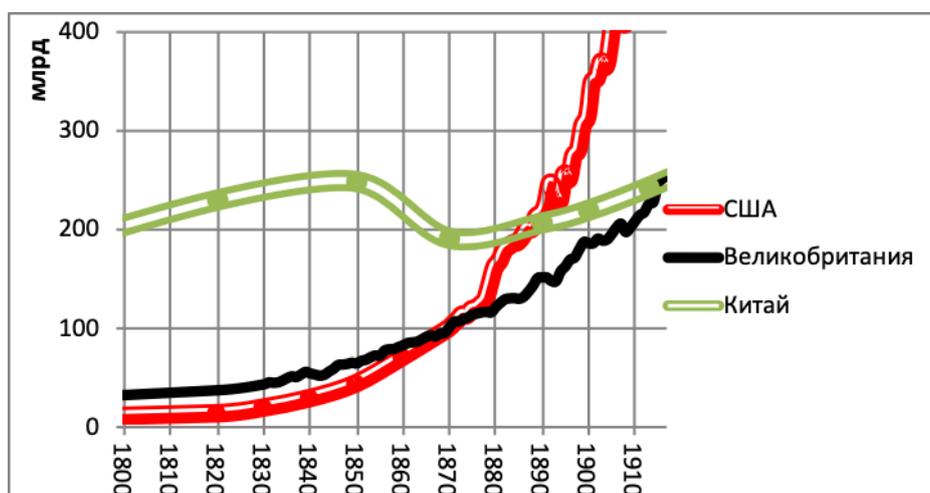

Рис. 14.4. Динамика ВВП в США, Великобритании и Китае, 1800–1917 гг., в млрд международных долларов 1990 г. по ППС

Источник: Maddison 2010.

Насильственное открытие, таким образом, стоило Китаю очень дорого и предопределило дальнейшие его бедствия. Китайское государство было исключительно крепким, и для его разрушения потребовалось более активное влияние европейских и иных стран. На первых порах Китай избрал политику самоусиления и попытался модернизироваться. Первая его модернизация хотя и окончилась не особенно удачно, тем не менее заметно изменила страну (Непомнин 2005; Liu, Smith 1980; Feuerwerker 1980; Chu, Liu 1994; Киссинджер 2014: гл. 3).

Открытие других стран (Вьетнама, Сиам) в конечном счете привело к превращению их в колонии и полукolonии. Колониальный статус, который был распространен сначала на Индию и Индонезию, в XIX в. стал одной из главных траекторий развития стран Востока. При всей своей трагичности он, тем не менее, открывал путь к определенной модернизации общества, конечно, трудной и ущербной.

Редким случаем удачной модернизации стала Япония, которая сумела провести необходимые реформы и создать современную армию и флот. По определению Ж. Ле Гоффа (2013: 63–64), это тип сбалансированной модернизации, когда успешный прорыв современного не вызвал разрушения ценностей древности (старинности)²⁸. О причинах этой удачливости идут споры²⁹ (Sanderson 1995; 1999), но, так или иначе, пример Японии доказал, что фатальной невозможности для азиатских стран стать в ряд мировых держав не суще-

²⁸ Ж. Ле Гофф (2013: 63–64) выделяет только три типа модернизации: конфликтную, сбалансированную и модернизацию, проводимую «на ощупь», то есть бессистемную. Но, на наш взгляд, следовало бы выделить еще принудительную/колониальную, к каковой можно, например, отнести модернизацию Индии. Что же касается Китая, то в истории этой страны соединились все три легоффовских типа и еще добавился тип плановой модернизации.

²⁹ Среди достаточно общепринятых причин, несомненно, следует выделить более высокую готовность учиться у Запада у японцев (традиционно заимствующих много иностранного [см., например: Мак-Клейн 2006]), чем у китайцев, что отмечалось японскими исследователями (Окума Сигэнобу) уже в начале XX в. (Загорский 1991: 68). Р. Аллен также указывает на более творческое использование и адаптацию западной техники к местным условиям, чем в других модернизирующихся странах этого периода (Allen 2011; Аллен 2013).

ствует, что овладеть европейской технологией и внедрить необходимые институты возможно. Ежегодные темпы роста ВВП в Японии с 1874 г. и до 1940 г. составляли 5,5–5,8 % (Бабинцева 1982: 15), причем с начала XX в. они ускорились, также существенно выросла доля обрабатывающей промышленности (см., например: Allen 2011; Аллен 2013).

Развитие Турции и Египта также демонстрировало, что восточные страны при правильной политике и необходимых реформах в принципе могут вписаться в мировую экономику и политику. С 1820-х по 1870-е гг. Египет смог развить сельское хозяйство и использовать благоприятную конъюнктуру на сырье, особенно на хлопок. При этом Египет демонстрировал хорошие показатели как в экономическом, так и в военном плане (см. наш анализ уровня развития Египта: Гринин 2006б; 2007б; Гринин, Коротаев 2009б). С 1860-х по 1870-е гг. было прорыто 13 тыс. км оросительных каналов (Белюсова 2004: 143). С 1843 по 1872 гг. произошло пятикратное увеличение объема внешней торговли (Смилянская, Родионов 2004: 372). Велись активное строительство железных дорог и телеграфных линий, модернизация портов и т. д. В 1869 г. с большой помпой был открыт Суэцкий канал (Marsot 2004: 68). Однако в совокупности ошибки хедива Исмаила, оказавшегося в долгах в связи со строительством Суэцкого канала, и рост вместе с богатством страны местного национализма привели к кризису, которым воспользовалась Англия, чтобы оккупировать Египет (об оккупации Египта и проникновении в Китай см., например: Owen 1969; Flower 1972; Tignor 1966; Marsot 2004; Зеленев 2003; Гринин 2006б; 2007б; Непомнин 1974; 1980; 2005; Wright 2001). Тем не менее во многих отношениях период английского протектората способствовал развитию Египта, особенно его сельского хозяйства (Англия нуждалась в хлопке и другом сырье). Турция в течение XIX в. предпринимала более или менее успешные попытки модернизации, которые в итоге спасли ее от полного раздела между более сильными игроками. Однако подняться до уровня европейских держав она так и не смогла. Но даже неудачные модернизации были важным этапом развития.

Формирование капиталистической Мир-Системы с Европой в центре. Великая дивергенция означала мощное развитие процесса экономической глобализации, в результате чего сформировалась капиталистическая Мир-Система с центром в Европе. Развитие глобализации мощно вовлекло восточные страны (как прежде Латинскую Америку) в мировой рынок, а к концу XIX в. происходит окончательный раздел колоний. Великая дивергенция означала и географическое расширение Запада в смысле подтягивания к передовым странам периферии Европы европейских белых колоний. Таким образом, Великая дивергенция была одновременно и процессом конвергенции с Европой белых бывших и актуальных колоний: США, Канады, Австралии, Новой Зеландии. Вовлечение в орбиту английской и в целом европейской экономики этих территорий, в том числе открытие месторождений золота в Калифорнии и Австралии, было исключительно важным. Экспорт английских товаров и капиталов в США, а также переселение туда (равно как и в другие колонии) многих миллионов европейцев вообще трудно переоценить.

6. Торгово-экономические отношения Запада и Востока в период Великой дивергенции. Противоречивые итоги вовлечения неевропейских стран в глобальные процессы

Столкновение с Европой, ее промышленной и военной мощью в различных странах происходило по-разному, но так или иначе это вызывало социально-политические и экономические кризисы (бесконечные революции и перевороты в Латинской Америке, восстания в Индии [1857 г.] и в Индонезии [в 1840-х гг.], реформы, мятежи и перевороты в Турции, бабидские восстания в Иране [1848–1852 гг.], Тайпинское и Боксерское восстания в Китае, революция Мэйдзи в Японии, восстание Араби-паши в Египте [в 1881–

1882 г.]), и в ряде случаев попытки модернизации. Кризисы стали импульсом к началу процесса трансформации восточных государств, без чего никакое движение вперед не было возможно. Модернизации начали эпоху формирования современной экономики. Но путь к ней был тяжелым.

Великая дивергенция в принципе не могла развиваться без развития процесса глобализации. Уже с самого начала индустриализации новая машинная индустрия нуждалась, с одной стороны, в расширении поставок сырья, а позже и продовольствия, чего нельзя было достичь без активного вовлечения все новых стран в процесс поставок, а с другой – в развитии экспорта, постоянном расширении рынков сбыта. Как колониальные страны, так и формально независимые становились покупателями промышленных товаров, поставщиками сырья и продовольствия, тем самым вовлекаясь в глобальное разделение труда. Включение периферии как источника сырья и потребителя готовых товаров означало, с одной стороны, закрепление разделения ролей в мировой системе и, следовательно, закрепление итогов дивергенции или даже вывод дивергенции на более высокий уровень, а с другой – готовило условия для конвергенции, так как включение в систему мировых технологий и мирового рынка означало повышение общего уровня развития, рост инфраструктуры, импорт капиталов и технологий.

Ради расширения сбыта Англией и позже другими европейскими странами делалось все – от кредитования покупателей до несправедливых войн. Неудивительно, что такой прогресс часто был весьма тяжелым и трагичным. В целом мощный экспорт промышленных товаров в разные неевропейские периферийные страны при отсутствии суверенности или при наличии неэквивалентных торговых договоров привел в 1830–1870-е гг. к значительному сокращению ремесла, численности ремесленников и в некоторых местах – к сокращению городского населения (см.: Мельянцев 1996: 126–127). Многие ремесленники были вынуждены уйти в село (см.: Allen 2011). В результате этих процессов, а также тяжелых социально-экономических и политических кризисов во многих странах Востока, по-видимому, даже временно произошло понижение уровня жизни. Так, по некоторым данным, с конца XVIII в. до середины последней трети XIX в. среднестатистический доход в странах (которые в будущем образовали третий мир) уменьшился на 1/10–1/6, в среднем сокращаясь ежегодно от 0,1 до 0,2 % (Мельянцев 1996: 129; Bairoch 1992: 446). Впрочем, по расчетам А. Мэддисона (Maddison 2001; 2010), в большинстве стран Азии, Африки и Латинской Америки этот показатель все-таки вырос – но отнюдь не столь значительно, как в странах мир-системного ядра. Очень тяжелыми в первое время были последствия для Индии. В 1830–1850-е гг. вывоз английских тканей в Индию вырос в 60 (!) раз (Бобровников 2004: 423). Результатом стало массовое разорение ремесленников. Население Дакки, крупного промышленного центра Бенгалии, например, уменьшилось со 150 тыс. до 30 тыс. жителей (Там же)³⁰.

Китайский рынок, как мы уже говорили, был частично открыт в результате первой опиумной войны и Нанкинского договора 1842 г. (см., например: Romeranz 2000; Нарочницкий 1973; Непомнин 2005). В условиях спада покупательской активности в Британии он на первых порах казался английским предпринимателям безграничным. Английские производители всерьез собирались «одеть 300 миллионов человек». В результате после 1842 г. начался столь активный бум в создании и модернизации фабрик, что жалобы на трудности с наймом рабочих и на повышение заработной платы стали постоянными (см.: Туган-Барановский 2008 [1894]: 122). Но сбыт в Китай оказался гораздо меньше предпо-

³⁰ Генерал-губернатор Ост-Индии, видимо, имел основания для того, чтобы уже в 1834–1835 гг. докладывать: «Бедствию этому едва ли найдется аналогия в истории торговли. Равнины Индии белеют костями хлопчаткачей». Фраза, ставшая знаменитой благодаря тому, что ее использовал К. Маркс (1960 [1867]), с тех пор многократно повторялась. Хотя мы не исключаем, что драматизм положения индийских ремесленников в указанной цитате все же преувеличен.

лагаемого. Тем не менее общий экспорт в Индию и Китай с 1842 по 1845 г. вырос на 1/3 (Трахтенберг 1963 [1939]: 150; см. также: Гринин, Коротаев 2010а).

Со странами, которые оставались формально суверенными, Англия и другие европейские государства (включая Россию) заключали неравноправные, а порой и просто кабальные торговые договоры, в результате которых европейские товары активно проникали на эти рынки, а европейские финансы – в их финансовые системы³¹. Зависимые и периферийные страны становились поставщиками сырья. В частности, такими были Индия, Египет, Индонезия, Бразилия, Аргентина и другие страны Латинской Америки (но также, впрочем, и такие благополучные страны, как Канада, Австралия, Новая Зеландия, и даже – долгое время – США³²). Но хотя такая торговля перестраивала хозяйство данных стран под нужды Англии и других европейских государств, это вело и к существенному их развитию, в том числе инфраструктуры и современных форм денежно-кредитных и торговых отношений (это особенно хорошо видно на примере Канады или Австралии).

И еще более необходимость в расширении и углублении глобализации стала ощущаться, когда возникла потребность в экспорте капитала. А такой экспорт из Англии в некоторые страны, прежде всего, конечно, в Индию (а также и в другие колонии, позже и в латиноамериканские государства), начинается уже с 1850-х гг. Этому способствовали ликвидация Ост-Индской компании (после Сипайского восстания 1857 г.) и прямое управление Индией, куда был назначен английский вице-король. В Индию в гораздо больших объемах стали поступать английский капитал, технологии, специалисты, там появилась (пока еще в небольших размерах) и местная хлопчатобумажная фабричная промышленность (см. об экономическом развитии Индии, например: Неру 1989, кн. 2: 78; Алаев и др. 2010; об очень серьезных трудностях этого развития см.: Clark 2007: 346–369; Кларк 2012).

В конце 1850-х – 1860-е гг. Англией было построено 5 тыс. км железных дорог в Индии (Мендельсон 1959, т. 1: 610). В целом же строительство индийских железных дорог было важнейшей частью английских вложений в индийскую инфраструктуру, причем качество строительства и оборудования было высоким, выше, чем в США (см.: Clark 2007; Кларк 2012).

Экспорт капитала стал, по нашему мнению, важнейшим источником изменения соотношения в развитии европейских и восточных стран. Однако это изменение заняло многие десятилетия.

Можно спорить о том, насколько подъем Запада был оплодотворен эксплуатацией и неэквивалентным обменом с колониями и полуколониями, но однозначно, что процесс вовлечения полупериферии и периферии в мировые экономические и политические отношения был неразрывно связан с процессом Великой дивергенции и подъема Запада. Но в то же время именно он начал и обратный процесс, который стал вопросом общемирового значения примерно через полвека, результаты которого стали заметны через сто лет, а теперь он рассматривается как Великая конвергенция. Ибо без вовлечения восточных стран в орбиту экономических отношений на базе новейшей техники и технологии (даже если этим странам была отведена неблагодарная роль сырьевого придатка и объекта хищнической эксплуатации) ни о каком подъеме этих государств речи быть не могло.

О процессах, которые уже с последней трети XIX в. исподволь готовили предпосылки для начала процесса конвергенции западных и незападных стран, мы скажем в главе 15.

³¹ Так, в частности, началось подчинение Египта, до этого получавшего очень большие доходы от экспорта (см. выше; см. также: Cuno 1985; Issawi 1947; Owen 1969; Hunter 1999; Goldschmidt 2004).

³² Поток европейских капиталов и технологий в Канаду или Австралию привел к их успешной модернизации, а в Бразилии или Индии этого не случилось. И Канада, и Австралия, и Индия, и Бразилия были в XIX в. превращены в аграрно-сырьевые придатки Западной Европы и США. Это, однако, не помешало Канаде и Австралии войти в клуб развитых стран, а Бразилия с Индией в результате процессов Великой дивергенции оказались в числе стран третьего мира (ответ на этот вопрос см.: Grinin, Korotayev 2015).